

РОМАН ЗЛОТНИКОВ
АНТОН КОРНИЛОВ

Арвендейл
Мое Обреченный
из Утренней Звезды

Арвендейл

Роман Злотников

**Арвендейл Обреченный.
Трое из Утренней Звезды**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Арвендейл Обреченный. Трое из Утренней Звезды /
Р. В. Злотников — «Эксмо», 2018 — (Арвендейл)

ISBN 978-5-04-092002-0

Замок Утренняя Звезда высечен в скалах Драконьей гряды, что отделяет Арвендейл от Тухлой Топи, гиблых земель, обиталища Темных тварей. Века и века лорды Утренней Звезды, выполняя свой долг, защищали подданных великого герцогства от нашествий чудовищ... Пока не явилось в мир кое-что пострашнее Темных тварей. До того как на Арвендейл падет Тьма, оставалось немногим более ста лет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092002-0

© Злотников Р. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Злотников, Антон Корнилов
Арвендейл Обреченный
Трое из Утренней Звезды

Разработка серии Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете А. Дубовика

© Злотников Р., Корнилов А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Глава 1

Толстяк-трактирщик оказался необычайно проворен для своей комплекции, он катался туда-сюда за стойкой, будто наполненный воздухом шар из просмоленных шкур.

Раз – замер у бочонка, подставив кружку под упруго жужжащую струю. Два – вот уже бочонок ловко заткнут пробкой, а трактирщик на другом конце стойки, угодливо подает кружку, тяжелую, потеющую холодом.

Тот, кому предназначалась эта порция выпивки, верно, и являлся причиной повышенной резвости толстяка. Как тут не побегаешь, когда перед тобой аж цельный капитан личной гвардии герцога Арвендейла его светлости сэра Руэри Грира?

Степенно сняв украшенный красным перьевым султаном шлем, капитан пригладил на лысоватой макушке свалявшиеся мокрые пряди, сосредоточенно покашлял и только после этого принял кружку. Медленно опорожнил ее в несколько мощных и шумных глотков...

– Так-таки не появлялся в ваших краях Мартин Ухорез? – не в первый, видимо, раз осведомился он скрипучим после холодного пива голосом.

– Да упаси нас Сестры-помощницы! – всплеснул руками трактирщик. – Я ж вам толкую, добрый господин! Да коли б я прознал, что он рядом шастает, разве я остался тут? Сбег бы куда подальше, отсиделся бы где понадежней, пока от него след простынет! Нам, торговым людям, с энтим душегубом никакой надобности встречаться нет!.. Жарко-то как нынче, добрый господин! – добавил он совсем другим тоном. – Еще пивца изволите?

– Мгм... – отирая с усов белую пену, изволил капитан, и трактирщик снова укатился к бочонку.

Время было еще полуденное, рабочее, для увеселительных заведений самое спокойное, но этот трактир, удобно расположенный на дороге меж двумя большими деревьями графства Утренней Звезды, уже ощутимо подрагивал многоголосым шумом. Правда, шум тот был не всегдашний – развеселый, дымно-пьяный, – а непривычный, тревожный. Капитан, понятно, явился сюда не один. Шестеро гвардейцев обыскивали комнаты для проезжающих на втором этаже, гулко переругиваясь и сотрясая сапожищами потолок трапезной, а за стенкой, на кухне, громыхали посудой еще трое служивых; и в дверях, закрывая копиями проход, завязла пара ратников... Полдюжины посетителей – судя по одежде, зажиточные крестьяне из местных – притихли за длинными столами, опустив физиономии в свои кружки и миски.

– Ну, а народишко тутошний что брешет? – оглянувшись на посетителей, поинтересовался капитан.

– Да что? – откликнулся от бочонка толстяк. – У Кривого Тита, говорят, корова двухголового теленка принесла. То – к морозной зиме, не иначе. На Кабаний хутор стая оборотней наведальсь, дюжину свиней унесли да хозяйской дочке башку отгрызли. Знамо дело, отправили весточку его сиятельству сэру Альве, пущай своих Полуночных Егерей высылает. Да уж дошла весточка, выслал поди... Сами понимаете, была б одна тварь или две-три – своими силами бы справились, а стаю-то в полтора десятка рыл не одолеть...

– Не таракти! – сурово поморщился капитан, берясь обеими руками за поднесенную вновь кружку. – Не о том спрашиваю! Про Мартина Ухореза – что брешут? Вдруг кто видел чего, кто чего слышал? Не может же он со своими убудками не жрамши столько времени бегать, хоть раз-то к людям выходил...

– Так-то оно, добрый господин, так, – согласился трактирщик. – Только Мартина не зря Ухорезом кличут. Провиантом ему, конечное дело, кто-то и помогает – потому как хрен откажешь, когда тебя среди ночи разбудят и нож к горлу сунут... Но трепаться про то ни один дурак не станет. Либо стража за подмогу лиходеям загребет, либо – что вернее – сам Мартин

за донос ухи отчекрыжит тебе да всем твоим родным. Он ведь, гад, такими погаными делами и прославился больше, чем грабежами и разбоями.

Капитан после второй кружки малость размяк, утратил суровую степенность.

– Это верно, – доверительно вздохнул он. – Ухорез – малый отчаянный. А народишко у нас – бздиловатый. В этом-то и проблема. Ну-ка... дай мне чего-нибудь на зубок. И это... налей еще холодненького...

– А ведь как не бояться-то, добрый господин?.. – заговорил снова трактирщик, вернувшись к капитану с очередной порцией пива. – Я слышал, Ухорез Сумрачным сестрам душу заложил. Он им службу служит, кровь невинных льет, а они его за то от мечей и стрел берегут... да следы за ним заматают. Потому Ухореза и взять никто не может. Темная сила ему дадена!..

– Брехня! – Капитан пренебрежительно сплюнул на пол. – Тебя дело спрашивают, а ты сказки бормочешь... Обычный бандюган этот Мартин Ухорез. Таких по дорогам Арвендейла сколько шатается! Обычный, говорю, бандюган. Разве что знает пару фокусов... – неохотно признался капитан. – Из тех, которыми любой деревенский колдун владеет. А к настоящей магии Ухорез неспособен. Потому как крови он не благородной, а самой что ни на есть плебейской. Сила ему дадена... Тьфу! Надо ж такое ляпнуть! – он скривился и снова сплюнул. – Дурни! Хвостокруты! Деревня!

И тут в глазах толстяка-трактирщика коротко мелькнуло что-то такое... Досада, что ли? Обида за себя, «деревню»?

– Вишь ты... добрый господин, – негромко выговорил он, ставя на стойку плошку с калеными лесными орехами и миску вяленого мяса. – Кабы был Мартин обычным бандюганом, вы бы за ним из самого Золотого Рога не дотопали сюда. Знать, не обычный... А правду говорят... – трактирщик совсем приглушил голос, – что тот Мартин иэлли, эльфийские священные роши жгет?

– Ну, – буркнул капитан, запуская корявую коричневую лапу в плошку с орехами. – Есть такое дело, жгет.

– Во! – выдохнул, округлив глаза, трактирщик. – И я о том! Зачем ему, душегубу, иэлли жечь? Ведь не заради выгоды же, а? Выгоды тут ему никакой. А вот что те, которые Сумрачным сестрам служат, Высоких или Могучих не преминут кусануть, это всем известно. Сумрачным сестрам истинно Светлые расы ненавистны...

– Как поймает гада, тогда и узнаем, чего это он на длинноухих затаил, – залихватски пообещал капитан и икнул. – Тащи еще пива! Эх, и жара, пью-пью, не напьюсь никак...

И снова что-то высверкнуло в глазах толстяка. Не досада уже и не обида, что-то другое. Какая-то дерзкая хитринка.

– А поймаете ли? – вкрадчиво спросил он, метнувшись за очередной порцией пива и вернувшись. – Ведь с Золотого Рога за ним идете, почитай, недели две, если не больше, никак взять не можете... Сюда, на самый край мира, забрели...

– Куда он от нас денется, сволочуга! – махом ополовинив кружку, раздухарился капитан. – Мы его уж у Волчьего лога прищучили пятого дня! Половину банды перебили, я этого Ухореза... вот как тебя сейчас видел... Не дотянулся только. До сих пор рожа его костлявая, паскудная перед глазами стоит. Чудом ускользнул! М-м-х... – Капитан оскалился, покрутил головой, разбрызгивая капельки пота со лба и ошметья пены с усов. – Тварь рыжая! Ничего, достанем! В другой раз не уйдет! Ну-ка, долей холодненького! Эх, и жара!..

Жара и вправду стояла несусветная. Небывалая для осени, хоть и ранней, стояла жара. Листья на деревьях погодили жухнуть и облетать. Утратившие уже летний цвет – наливались солнечной желтизной да краснотой, как плоды; а не успевшие отцвести – зеленели себе и дальше. Из-под посохшей травы пробивалась травка новая, сочная, нежно-изумрудная. Того и гляди вся растительность снова взбухнет почками, бутонами и колосьями – хоть еще один урожай собирай.

Только по ночам воздух, как и следовало, стекленел холодом, и глупые людские сомнения насчет того, что время отчего-то повернуло вспять, мигом выстужало: все, лето кончается, и холода не за горами.

Но то ночами. А сейчас пеклось в зените гигантским яйцом полуденное солнце, на дорогах калилась белая пыль, и подрагивало между небом и землей марево удушливого зноя. От которого было лишь одно спасение: прохладная тень крыши и стен да глоток-другой доброго пива...

Капитан, сладострастно фыркая и притоптывая от удовольствия, как раз досасывал свою кружку, когда из кухни выскочил ратник – судя по желтому султану на шлеме, гвардейский десятник. Ратник, придерживая у бедра длинный меч, рысцой проскакал через весь зал, сунул губы в ухо своему командиру и что-то возбужденно прошептал, наверняка что-то очень важное, потому что капитан мгновенно встряхнулся, проморгался и ткнул посуровевший взгляд в толстяка-трактирщика:

– А ну-ка, поди сюда!

Трактирщик испуганно выполз из-за стойки. Крестьяне в зале встревоженно зашевелились, когда капитан, ущемив в ручище розовое ухо толстяка, бесцеремонно поволок его к кухне.

Кухня оказалась разгромленной, будто только отшумела там масштабная пьяная потасовка. На полу, усеянном разнокалиберными осколками и обломками, кучкой топорщился мокрый соломенный половичок, используемый, видимо, как средство от жара очага. Рядом с половичком виднелся четырехугольный люк без ручки.

– Эт-то что такое? – загремел капитан, дергая туда-сюда толстяка за ухо, отчего тот смешно жмурился и повизгивал. – Я ж тебя, жаба пузатая, допрашивал: есть в трактире потайные комнаты? А ты мне что говорил?..

– Дак то не потайная... – простонал толстяк. – То ж просто ледник!.. Мясо там храним, чтоб не портилось, молоко, овощи...

– Открыть! – приказал капитан, выпустив ухо трактирщика и отправив того пинком в угол кухни.

Десятник обнажил меч, поддел клинком крышку люка, резко опустил рукоять вниз. Крышка отвалилась в сторону, из распахнувшейся черной дыры пахнуло сырой прохладой.

– Хорек! – позвал десятник одного из гвардейцев, низкорослого, шустрого, с острой мордочкой. – Ну-ка, глянь!

Со светильником, зажженным от пламени очага, спустился в люк вышеозначенный Хорек... И очень скоро вынырнул обратно.

– И впрямь мясо, – доложил он, поеживаясь от подземного холода. – Свиные туши, штук пять-шесть. Только зачем-то сваленные прямо на пол. Что ж ты, дурья башка!.. – презрительно обратился он к поскуливавшему в углу трактирщику. – Мясо хранить не научен? На крючья туши следует вешать! А не валить в кучу! И кровь надо непременно выпускать... Там вот такенные лужищи на полу, – сказал он командиру.

– Не успели управиться, добрые господа! – пискнул толстяк, на всякий случай проворно закрывая оба уха пухлыми ладошками. – Мужики поутру поросей-то пригнали на убой. Мы закололи, свежатинкой только стали заниматься, как вы на дороге показались. Ну, я и велел посваливать туши в ледник... Чтоб беспокойства вам не было... Мужики те вона – в трапезной сидят, можете у них спросить!..

– Чтоб беспокойства не было! – передразнил капитан трактирщика. – Образина жадная! Небось думал, что славные воины его светлости покусятся на твоих вонючих поросей? Такого ты, значит, мнения о славных воинах его светлости? А может, и самом герцоге?..

– И в мыслях не было! – истово заверил толстяк. – Вот пусть я провалюсь на месте, ежели...

– В таком разе, – распорядился капитан, – приготовь для нас два... три бочонка пива! Ребятам тоже пить охота. Закругляемся, парни! Ни черта тут нет, дальше пойдем!

– Это я всенепременно! – засуетился трактирщик. – Три бочонка! Какого ни на есть лучшего! Холодненького! Я и сам хотел предложить, только не осмеливался!..

Тем временем к трактиру, окруженному цепью из трех десятков гвардейцев, подкатила, грохоча, вышибая из дороги клубы белой пыли, большая телега, грубо разукрашенная травяными и цветочными венками, запряженная мощным мохнатым битюгом. В телеге той помещались четверо крестьянских парней, развалившихся в разухабисто вольных позах, да на облучке еще восседал, подбоченившись, мужик постарше, пышнобородый, широкоплечий, в разодранной на груди рубаше, в коротких штанах, обнажавших могучие икры. Парни, не обращая никакого внимания на пространство за пределами телеги, орали какую-то песню и заткнулись только тогда, когда здоровяк-возница, натянул поводья, остановив разбежавшегося битюга.

Ближайшие гвардейцы лениво подтянулись к телеге.

– Поворачивай! – качнул копьем один из них. – Не велено!

– Чегой-то? – удивился мужик на облучке. – Кого? Куда поворачивать?

– Обратно! – кратко объяснил гвардеец.

– Почему? – непонимающе раскрыл рот здоровяк.

– Сказано тебе – не велено. Мартина Ухореза ловим, слышал о таком? Обыскивают твой трактир.

– Дак а мы-то тут при чем? – все не мог взять в толк мужик. – Мы с душегубами никаких дел не имеем, ага. Мы со свадьбы едем! Нам в трактир надобно, у нас выпивка кончилась... Во! – перегнувшись назад, он поднял со дна телеги и продемонстрировал, покултыхав вниз горлышком, пустой кувшин.

– Не велено!

– Да недопили мы! – всплеснул руками, дивясь непониманию служивых, здоровяк-возница. – Со свадьбы едем и недопили. Нам бы еще по кружке на брата! Медяки имеются, тут не сомневайтесь...

– Вот дубины деревенские... – вздохнул гвардеец. – Толкуешь им, а они все свое... Поворачивай! – повысил он голос.

Кто-то из парней затыкнул было снова песню, но его не поддержали. Более того, проникнувшись трагизмом происходящего, треснули по затылку, чтоб замолчал.

– Что же это, братцы?! – возопил возница. – Ведь медяки-то есть! И трактир – вон он! А выпить не дают!..

Гвардейцы, слышавшие этот полный неподдельной скорби вопль, дружно заржали:

– Дома допьете, болезные!

– Дома жены... – вздохнул мужик. – Они разгуляться не дадут.

– А почему вы решили, что Мартин в этот трактир мог сунуться? – спросил вдруг с телеги светловолосый парень, который, кажется, был потрезвее своих товарищей.

– То не мы решаем, а капитан, – пояснил подошедший на шум вислоусый гвардеец, видно, заскучавший в карауле. – Да и решать тут особо нечего... Куда ж ему еще податься? В окрестных деревнях не укроется, там все друг друга знают, а за его рыжую башку такая награда объявлена – десять семей два года кормить можно. В северные леса ему путь заказан – длинноухие, которым он так насолил, враз его вычислят. К Длинной реке, на юг, Ухорез тоже не двинет. Он, чай, не дурак, чтобы решиться по воде сплавляться, где – на просторе-то – он как на ладони будет. Одна ему дорога: к Утренней Звезде. Там поселений побольше, и покрупнее они будут, есть надежда затеряться среди местных да по предгорью Драконьей гряды улепетнуть, обратно в центр Арвендейла. Только силы у Мартина уже не те. У Волчьего лога – слышали, наверное? – мы его здорово потрепали, коней постреляли, а на своих двоих до Утренней Звезды ему так

скоро не добраться. Тут он где-нибудь, поблизости. Нашел укромное местечко и пережидает, сил набирается... А уж такого места, как трактир, где жратвой разжиться можно, он вряд ли миновал бы...

– Верно, – внимательно выслушав, качнул головой светловолосый.

При ближайшем рассмотрении он все-таки здорово отличался от своих товарищей, этот светловолосый. Не такой ражий, но, тем не менее, крепкий, подвижный, он имел черты лица не простовато-грубые, а тонкие, легкие. Даже определение «парень» не вполне подходило ему. «Юноша» – вот как следовало бы его называть... А если уж совсем внимательно к нему приглядеться, можно было заметить еще кое-что: какую-то трудно-уловимую невинную ясность в пронзительно голубых глазах да и во всем облике; ту ясность, что часто встречается у совсем малых детей и бесследно исчезает со взрослением.

– А ты ничего! – подмигнул светловолосому юноше гвардеец, переложив копье с одного плеча на другое. – Ишь какой серьезный. Жидковат, правда, но, видать, ловкий. Чем в деревне навоз месить, подался бы в Золотой Рог. Глядишь, и в гвардию его светлости возьмут. Нам такие нужны...

Из трактира один за другим потянулись ратники. Первые трое тащили в руках по объемистому бочонку. Показался и капитан, взмахнул рукой, подзывая десятников. Гвардейцы зашумели, задвигались.

– Ну, счастье ваше, мужички, – сказал висло-усый. – Снимаемся. Эх, видно, никаких следов Ухореза не отыскивали ребята. Вон у господина капитана рожа унылая... И сколько нам еще сапоги трепать, покуда этого головореза не отыщем?..

– Пива нам, хозяин! – возгласил мужик в разорванной рубашке, когда вся его компания с шумом ввалилась в трактир. – Ай, сказывают, хорошее пиво у Круглого Бубы! Пива!.. – требовательно повторил он и осекся. – А чего это вы делаете?..

Толстяк-трактирщик, именовавшийся, как выяснилось, Круглым Бубой, рывком развернулся на голос здоровяка-возницы, выронил тяжелый мешок, который волок из кладовой к центру трапезной, где громоздился уже внушительный курган из мешков, свертков, узлов, корзин и бочонков. Мужички-посетители, с суетливым энтузиазмом помогавшие Бубе, тоже настороженно замерли, обернувшись: кто с поклажей в руках, а кто ту поклажу уронив.

– Будто переезжаете, ага!.. – добродушно предположил возница. – Ну, пивца-то нам между делом наплещете, да?

– Да расслабьтесь! – хохотнул один из парней с телеги. – Чего столбами застыли? Думали, герцогские солдафоны вернулись? А это мы!..

Трактирщик раздраженно притопнул и пихнул ногой мешок:

– Тьфу на вас, голытьба! Не до вашего пива сейчас! Проваливайте, пока мы по шеям вам не наkostenяли!

– Новое дело! – горько поразился здоровяк. – Медяки есть, в трактир прорвались, а выпить все равно не выходит! Что за день сегодня такой?!

– Валите отсюда, кому сказано! – рыкнул, выступая из-за плеча Круглого Бубы, мужик, тоже очень даже нехилого телосложения. – Куда грязными копытами в приличное заведение?

Показавшись полностью, он недвусмысленно продемонстрировал кривой нож за поясом. И товарищи его угрожающе задвигались, являя из-под одежды ножи и короткие дубинки.

– Ну? – грозно нахмурился Буба; из длинного рукава его высунулся шипастый шар кистеня. – Два раза повторять надобно, рванина?

Но пятеро из телеги, на которых, кстати, никого оружия заметно не было, почему-то не испугались. Не попятись, отдавливая друг другу пятки, к выходу, а наоборот – стали медленно растекаться по трапезной. Вооруженные мужики недоуменно запереглядывались, а на роже Круглого Бубы из-под гримасы нетерпеливого раздражения проклюнулось удивление:

– Да вы кто такие будете-то?

– Издалека мы, – охотно пояснил мужик в разорванной рубахе. – С хуторов у Драконьей гряды. Где замок Утренняя Звезда, ага. На свадьбу сюда приезжали, угостились, а на обратной дороге добавить пожелали. Нельзя, что ли?

– Что-то не слышал я ни про какую свадьбу... – буркнул Буба, как-то, впрочем, неуверенно. – Утренняя Звезда, говоришь... Неблизкий путь! Дней пять пехом... А если вы издалека, то меня откуда знаете?

– Да кто ж Круглого Бубу не знает! – хмыкнул возница. – Сказывают, ты один такой в тутошних краях... Сказывают, как-то ты на спор цельного барана стрескал! А ежели весь твой жир вытопить, так на сотню-другую светильников хватит!

– Ну довольно... – поморщился трактирщик.

Тот мужик, что первым показал пришельцам свой нож, вдруг бросил взгляд в окно, за которым выстроившийся уже в две колонны отряд гвардейцев удалялся по дороге на восток. То ли мелькнула у него мысль позвать солдат обратно, то ли какая другая – неизвестно. А Круглый Буба, уже не таясь, полностью выпростал из рукава кистень:

– Сдается мне, вовсе не пиво вам нужно...

Возница вопросительно глянул на светловолосого юношу из своей компании, тот – все время, пока компания находилась в трактире, внимательно присматривавшийся и прислушивавшийся к происходящему – отчетливо ему кивнул. Будто утверждая что-то.

– И то правда, – подтвердил здоровяк, и голос его вдруг изменился, опасно сузился до лезвийной тонкости. И сразу стало видно, что несколько он не пьян. – Гвардейцы, знать, Мартина Ухореза ищут? Где-то тут неподалеку Мартин прячется... Скажу тебе по секрету, что он сейчас куда как ближе, чем служивые думают...

Парни из телеги тоже подобрались, пьяная разухабистость вмиг слетела с них. Круглый Буба заметно побледнел. Поджав губы, он отступил на шаг, взмахнул кистенем. Мужики его сгрудились еще теснее, схватили свои ножи и дубинки...

– Ну, чего вы расшиперились-то? – развел руками возница, снова расплывшись в добродушной ухмылке. – От пива-то мы не отказываемся! А насчет денег не сомневайся! Во! Медяков хватает!

Вытащив из-за пазухи увесистый кожаный кошель, он подбросил его на широкой ладони и перекинул стоящему рядом парню. Тот, словно играясь, хмыкнул и швырнул кошель товарищу, каковой перекинул кожаный тяжелый мешочек дальше...

В трактирной трапезной натянулась тишина, дрожащая, напряженная, балансирующая. Круглый Буба со своими людьми, не опуская оружия, настороженно, выжидаяще следил за перемещениями кошель, пока тот не оказался в руках светловолосого юноши.

И юноша прекратил дурацкую игру. Улыбнувшись, будто извиняясь, он подмигнул трактирщику и бросил ему кошелёк.

Вернее, как бросил...

Метнул – без размаха, но сильно и точно. И бросок этот произвел потрясающий эффект.

Круглый Буба не сумел увернуться – кошель угодил ему прямо в лоб. Громадное жирное тело трактирщика нелепо кувыркнулось, Буба взбрыкнул ногами к потолку и башкой вниз воткнулся в груды мешков, узлов, бочонков и корзин, сразу его и засыпавших.

Это словно послужило сигналом для всех присутствовавших в трапезной трактира. В следующую секунду обе группы накинлись друг на друга, молча, не тратя времени и сил на боевые крики.

Здоровяк в разорванной рубахе вступил в схватку первым. В голову ему метнулась тяжелая дубина, каковую здоровяк встретил своим могучим кулаком, разнеся увесистое деревянное орудие в щепки. Не успели те щепки осыпаться на пол, как бывший владелец несуществу-

ющей уже дубины полетел к ближайшей стене, чертя за собой в воздухе быстро тающий след кровавых брызг из разможенного носа.

Светловолосый юноша, на которого бросились сразу двое (видимо, соблазнившись его совсем не устрашающим видом), тоже долго рассусоливать с противниками не стал. Первого нападавшего он опрокинул молниеносным тычком ребра ладони в горло, предварительно вышибив из его руки нож, а второго... а второго светловолосому даже и тронуть не пришлось. Выбитый нож глубоко вонзился второму нападавшему в бедро, и вряд ли это была простая случайность...

Круглый Буба чудесным образом очухался от страшного удара через несколько секунд после начала схватки. Расшвыряв во все стороны кучу скарба, он вскочил на ноги. Но вступать в бой не стал, видно, сразу оценил ситуацию – у его вооруженных людей против безоружных противников нет никаких шансов. Буба отшвырнул бесполезный кистень, причем под взметнувшимся рукавом его рубахи обнаружилось несколько амулетов, самых разных форм и цветов. Он содрал с запястья один, похожий на черную тряпичную бабочку.

Непонятно как, но светловолосый юноша в пылу драки сумел углядеть действия трактирщика.

– Осторож!.. – успел крикнуть юноша.

Буба сжал амулет в кулаке. И что-то внутри «бабочки» тонко, почти неслышно треснуло. И тут же трапезная ухнула в непроглядный мрак.

– ...нее!.. – закончил светловолосый уже в совершенной черноте, залившей помещение, будто густые чернила.

Две или три секунды чернота колыхалась стуком, возней, болезненными вскриками и проклятиями. Затем что-то коротко прошипело, и неожиданная тьма, словно черная кошка с обожженным хвостом, свилась в клубок, шарахнулась вверх, втянулась в потолок, освободив помещение.

Круглому Бубе, успевшему на ощупь добраться к окну, не удалось сигануть наружу. Одним прыжком настиг его светловолосый юноша, мазнув босой ногой под коленки, сшиб на пол и ударом кулака по жирной шее вторично лишил чувств.

В трапезной стало тихо. Здоровяк-возница стряхнул с ладони костяные осколки – остатки использованного им только что амулета.

Люди Круглого Бубы валялись тут и там вперемешку с растерзанной поклажей. Все они выглядели сильно покалеченными, но никто из них, кажется, не был мертв... Чего нельзя было сказать об одном из парней, прибывших сюда на телеге – он лежал поодаль, у самого выхода, и, судя по неестественно вывернутой голове, шея его была сломана. У левой руки погибшего валялся окровавленный кривой нож, видимо, отобранный им у противника.

Четверо сгрудились вокруг бездыханного товарища. Каждый из них умудрился выйти из схватки невредимым, вот только на спине у светловолосого алела – в разрезе рубашки – длинная кровавая полоса. Он, светловолосый, при общем напряженном молчании приблизился к мертвецу последним, остановился, опустив голову, закусив губу. Парни некоторое время переглядывались, с каждой последующей секундой все чаще вскидывая удивленно-вопросительные взгляды на понурившегося светловолосого. Наконец заговорил здоровяк, который, кажется, был у этих людей за главного:

– Эвин?

Светловолосый Эвин пошевелился.

– Не могу понять, как так вышло... – запнувшись, проговорил он, не поднимая головы. – Когда упал Черный Полог, Гаг был у меня за спиной. Значит, мне не стоило беспокоиться, что кто-то нападет сзади. И тут – удар. Я в последний момент успел почуять движение, увернулся – клинок только скользнул по ребру. И я сразу же провел ответный выпад. Локтем... В полную силу... Метили-то мне в сердце...

Эвин поднял-таки голову, посмотрел на здоровяка-возницу. Во взгляде светловолосого ясно чувствовалась тоскливая вина, но еще больше – недоумение по поводу того, что произошло. И это-то недоумение в полной мере разделяли его товарищи.

– Хочешь сказать, Гаг тебя нарочно пырнул? – вскинулся один из парней, широколицый, курносый и веснушчатый. – Бред! Промахнулся сослепу! А ты его...

Эвин хотел что-то ответить. Кажется, возразить хотел, но... промолчал.

– Товарища? В спину? В бою? – помотал головой другой парень, небольшого роста, крижистый и чернявый. – Ни за что не поверю! Это ж наш Гаг! Брат наш! Сколько лет мы все вместе из одного котла едим?! Сколько раз он тебя от верной смерти спасал?! А? И вдруг такое!..

– Это-то и странно, – тихо выговорил все-таки Эвин. – Вы знаете меня, Манго и Мюр, я не буду врать... – он просительно позвал здоровяка-возницу. – Крэйг? Я сказал, как было...

Здоровяк передернул могучими плечами, медленно стащил с себя рубаху, в пылу схватки разорванную уже до самого пупа, вытер ею лоб. На правой стороне груди его обнаружился чудовищный шрам, багровый, рваный, страшный – будто здоровяка когда-то пытались перепилить пополам дурно заточенной пилой.

– Что сделано, то сделано, – взяв в кулачище бороду, рассудил возница. – А с мертвого не спросишь. Что тебя, Эвин, что Гага – я еще сопляками знал, но... в темноте иногда творятся диковинные вещи. Даже если та темнота длится всего несколько мгновений.

– Каждый может ошибиться... – проговорил Эвин. – Это так, конечно, но...

Крэйг положил ему руку на плечо. Затем в наступившей тишине обвел взглядом своих людей и сказал:

– Гаг, наш брат, погиб в бою. И – точка. Пасть в бою – лучший способ отправиться к праотцам для всех нас, и пусть боги уготовят нам тот же дар... И пусть никто и никогда не скажет о нем худого слова...

Здоровяк, видно, хотел добавить что-то еще, но осекся.

Невесть откуда взявшийся ледяной сквозняк зашелестел по ногам четверых. И бесчувственные тела, разбросанные по трапезной, вдруг зыбко заколыхались. Будто отражения в забеспокоившейся воде, они то вытягивались, то укорачивались – черты лиц поверженных мужиков дико заплесали, неузнаваемо меняясь. Сквозняк сошел на нет скоро и бесследно, а на полу теперь лежали совершенно другие люди, походившие на зажиточных крестьян разве что только одеждой – поджарые, хищно мускулистые, с угрюмо-зверскими, испещренными шрамами физиономиями лежали на полу люди. Разительнее других изменился Круглый Буба. Вовсе не громадный толстяк валялся теперь у окна, а тощий, длиннорукий и длинноногий хлыщ, на лице которого даже сейчас, когда он был без сознания, угадывалась стальная жестокость. И топорщились жесткими космами ярко-рыжие волосы на его голове.

Эта чудная метаморфоза (не коснувшаяся, впрочем, тела Гага) совсем не удивила четверку. Похоже, они ждали чего-то подобного.

– Зеркало Шута, – констатировал Крэйг. – Серьезное заклинание. Мартин Ухорез и впрямь неслабый маг... Как ты догадался? – спросил он у Эвина.

Тот встряхнулся, через силу оторвав свой взгляд от мертвого Гага:

– А?

Здоровяк повторил свой вопрос.

– Да ничего сложного, – пожал плечами Эвин. – Магия может изменить лишь облик человека, но сам-то человек остается прежним. Настоящий Круглый Буба нипочем не сумел бы двигаться так же проворно, как похитивший его внешность Мартин. А если бы каким-то образом и исхитрился – то на этой жаре истек бы потом. Между тем рубаха его была почти совершенно суха...

– Действительно просто... – бормотнул Крэйг.

– Просто-то просто, – почесал в затылке чернявый крепыш Манго, – а вот поди сложи из этаких мелочей целую картину. Мастак, брат Эвин!

– В мире вокруг нет мелочей, – сказал Эвин, как-то привычно и необязательно сказал, будто говорил это уже много-много раз. – Потому что каждая мелочь имеет свое значение, каждая мелочь исключительно важна... Мне только одно непонятно, – повысил он голос, – куда подевались настоящий Круглый Буба и те, чьи обличья приняли на себя его разбойники?..

Крэйг вдруг поднял палец вверх, привлекая внимание товарищей.

Те насторожились, прислушиваясь.

Хорек шлепал в самом конце колонны. Меч с лязгом бил ему по бедру; на спине болтался, натирая шею острой кромкой, тяжелый щит; копье оттягивало плечо; простой, без султана, шлем не по размеру то и дело сползал на глаза; в нос лезла вздымаемая сапогами впереди идущих белая пыль. Но то были неудобства привычные, поэтому почти не ощущаемые. А вот походный мешок, заметно потяжелевший после посещения Хорьком трактира, все-таки здорово мешал гвардейцу.

Хорек несколько раз перевешивал мешок с одного плеча на другое и в конце концов не выдержал.

– На-ка! – протянул он на ходу мешок вислоусому товарищу, тому самому, что с четверть часа назад предложил Эвину попытать счастья в герцогской гвардии. – Подмогни маленько! Понеси, сколько сможешь, а потом я. А потом опять поменяемся!

– С какой стати? – удивился вислоусый. – Нашел тоже дурака! Сам тащи свои пожитки.

– Значит, не подмогнешь?

– Значит, не подмогну.

– Ладно, – легко согласился Хорек. – Эй, братцы, кто возьмет?

– Да пошел ты, – откликнулись «братцы».

– Ну-ну!.. – обиделся Хорек. – На вечернем привале, небось, попомните, как отказали-то мне... С другим десятком ужинать стану!

– А чего у тебя там, в мешке-то? – заинтересовался вислоусый. – А-а!.. – сообразил он. – Опять свистнул что-то? Ну ты и... Одно слово – Хорек. Все тащишь, что плохо лежит. Смотри, доиграешься когда-нибудь, спустят тебе шкуру со спины за твои штучки.

– Не для себя же стараюсь! – отбрехался Хорек. – Для вас же! А вы – вона как! Никакой благодарности!

– Ладно, – решил вислоусый. – Давай сюда. Ох, тяжело... Что упер-то?

– Поросятинки кусок! – с удовольствием сообщил Хорек. – Из ледника вытащил. Пока господа командиры жиробаса-трактирщика пинали, а наш брат гвардеец бочонки с пивом тягал, я опять в тот ледник нырнул, быстренько ногу поросячью отчекрыжил да в мешок ее! Славная похлебка получится, наваристая!

– Это да! – повеселел вислоусый. – А то на походных харчах-то ноги протянешь. Пустая каша да сухари... И сколько топать, пока Ухореза не поймает, неизвестно.

– Нам бы до Утренней Звезды дотянуть! – сладко вздохнул Хорек. – Там гужанемся от души! Не пивом, а благородным винишком задарма побалуемся! Пирогам дармовыми пузо набьем! Надолго той гужевки хватит.

– А с чего ты взял, хорячья твоя рожа, что нас задарма поить и кормить будут?

– Пф... А вы ничего не слышали, что ли?

– А что мы должны слышать? Это ты только носом по ветру покрутишь, уже все и разнюхаешь. Выкладывай давай, чего узнал!

– Дак праздник большой будет в Утренней Звезде-то! – уверенно объявил Хорек. – Тамошний лорд, сэр Альва Сторм, в права владения вступает!

– В права владения – чем? – не понял вислоусый.

– Замком Утренняя Звезда, конечно! Ну и всем графством, само собой...

Гвардеец, шагавший прямо перед Хорьком, не поленился развернуться, чтобы щелкнуть тому в лоб:

– Ты ж сам сказал, что он тамошний... вернее, тутошний лорд! Да и весь Арвендейл о том прекрасно знает. Сэр Альва уж лет десять Утренней Звездой правит. Зачем ему вступать в права владения тем, чем он и так владеет? Чего ты брешешь-то?

– А вот и не брешу! – вякнул Хорек, нахлобучивая на голову едва не слетевший шлем. – Сэр Альва – он, конечно, лорд. Но лорд того... ненастоящий как бы. Он этот... егерь, что ли?

– Какой тебе граф – егерь! Такого сроду не бывало! Совсем заговорился!

– Регент! – вдруг вспомнил вислоусый. – Вот правильное слово. Ага, точно, я тоже слышал. Лорд-регент. Тот, который, значит, временно правит. Бывший лорд Утренней Звезды, сэр Адам Сторм, на охоте с коня навернулся, когда его сыновья совсем мальки были. Один из них, старший который, по закону и править должен был, да только как править – сопливному мальчугану? Тем более что Утренняя Звезда – замок особенный, не такой, как другие. Он на самом краю мира стоит, в скалах Драконьей Гряды. Гномы его строили, говорят, Могучий народ. По одну сторону Драконьей Гряды наш Арвендейл, а по другую – Тухлая Топь, а уж что за Топью, никто не знает... Было время, когда из Тухлой Топи перли орды Темных тварей, только им проход-то закрыли и в том месте замок воздвигли, ну... над тем, то есть, ущельем в Гряде, через которое из Топи проход был. И с тех давних времен и по сю пору Утренняя Звезда оберегает земли Светлых рас от Темных тварей. Так и получается, что на лорде Утренней Звезды великая ответственность лежит... Никакой герцог не позволит, чтобы замком малек несмышленный правил. Вот сэр Альва и взялся, пока племянники-то его в сознательный возраст не войдут...

– Во! – обрадовался Хорек. – Я ж говорю! Два сына Адама Сторма до совершеннолетия не дотянули, один остался. А самое главное, что ровно через пять дней, в пятницу, значит, этому самому парню, отпрыску Адама Сторма, семнадцать лет исполняется. Местные говорят, сын Адама лордом Утренней Звезды становиться не собирается. Отказывается от родового замка в пользу дядюшки. Ну а тот и рад стараться... В общем, братцы, торжество будет невиданное! Уж сэр Альва на радостях-то гвардейцев его светлости герцога Арвендейла не откажется угостить...

– Знамо дело, не откажется!.. – загудели с воодушевлением участвовавшие в разговоре. – Почетными гостями будем!..

– Тем более, – присовокупил Хорек, – я слышал, сам его светлость герцог Руэри обещался Утреннюю Звезду в день праздника навестить! Впервые за долгое время! Лет за десять, что ли...

Вислоусый гвардеец почесал в затылке, сдвинув шлем:

– У Адама Сторма вроде как не один, а два брата были...

– Все верно, – авторитетно подтвердил Хорек. – Два. Сэр Альва и мастер Аксель. Только и Аксель тоже лордом Утренней Звезды никогда не изъявлял желание становиться. Он – маг-ученый, живет в своей башне затворником, всякими такими магическими делами занят, и до простых людишек ему дела мало... Ну, говорят так, по крайней мере. А сэр Альва – он настоящий лорд!

Вислоусый кивнул:

– Это верно, граф Альва крепко свое дело знает. Сами, небось, слышали, как в Золотом Роге говорят: мол, у Драконьей Гряды, где Утренняя Звезда, Темные твари так и рыскают, потому что Тухлая Топь рядом. А мы все графство протопали, почти что до самой Звезды добрались, а ни одну тварь не встретили. Только раз один слушок прошел...

– Ага, про стаю оборотней на каком-то там хуторе местные треплются, – поддакнули ему. – Кабаньем, что ли?.. Дак и у нас, у Золотого Рога, иной раз Темные появляются, что с того?...

– А какие селения здесь, братцы, обратили внимание? – продолжил вислоусый. – Большие да богатые. Я таких и в окрестностях Золотого Рога не видел, а ведь лорд Рога – правитель всего Арвендейла! И народ тут сытый, веселый... Так оно и выходит: хорошо, что сэр Альва и дальше будет графством Утренней Звезды владеть. А мастер Аксель в своей башне сидеть. А пацан... кто его знает, какой из него выйдет лорд?..

– Какой бы ни был, а он полное право имеет замок у своего дяди забрать, – подал голос кто-то из гвардейцев. – Я бы вот лично хрен отказался от цельного замка, к которому еще и земель прилагается – в две недели не объехать. Дурак тот молодой Сорм, вот и все.

– Храбрец! – хмыкнул Хорек по адресу высказавшегося. – Ты это самому парню скажи. Он ведь – знаешь кто? Егерь!

Вокруг Хорька заржали. Да так, что сам десятник выбился из строя, поотстав, чтобы проверить, чего это там веселятся его подчиненные.

– Опять заговариваешься, тупая башка! Егерь! – хохотали гвардейцы.

– Регент, во как правильно!..

– Да и то, не молодой Сорм, а его дядя, сэр Альва – регент! До следующей пятницы!..

– Егерь! Надо ж такое болтануть? Где видано, чтобы виконт, наследник Утренней Звезды, был простым егерем?..

– Не простым! – со значением проговорил Хорек. – А – Полночным. Полночным Егерем.

Тут весельчаки приутихли. Кто такие Полночные Егеря, они знали хорошо.

– Ну? – удивился вислоусый гвардеец. – Самый настоящий Полночный Егерь? Говорят, их теперь меньше десятка осталось. А ведь когда-то, давным-давно, когда Утреннюю Звезду еще строили, их несколько сотен было. Сейчас-то Темные поутихли – по сравнению с былыми временами, – нужда в Егерях не такая, вот и не готовят их в большом количестве... Ай! – вдруг вскрикнул он, с размаху остановившись.

– Что там у тебя? – строго прикрикнул на него десятник.

– Будто... – проговорил вислоусый, – в спину как ледяным ветром ударило... Ай! – снова заорал он, подпрыгнув. – Шевелится! В мешке кто-то шевелится!

Гвардеец содрал с себя походный мешок – тот самый, который передал ему Хорек, – швырнул ношу на землю и тут же отпрыгнул от нее, как от змеи. Мешок и вправду несколько раз крупно дернулся. И затих.

Солдатский строй смешался.

– А ну подтянуться! – зарывал десятник. – Чего поклажей разбросались?! Поднять и продолжать марш!

– Пусть Хорек сам свой мешок тягает! – заявил вислоусый. – А я к этой дряни и пальцем не прикоснусь, пока не увижу, что там такое дрыгается!

– Болван! – бросил вислоусому десятник и лично наклонился, чтобы развязать мешок.

Развязал и, надрывно булькнув горлом, шатнулся в сторону. Лицо его побледнело мгновенно и жутко, будто кто-то сунул десятника рожей в бочажку с мукой. Отплевавшись и откашлявшись, десятник схватил оторопевшего Хорька за ремень, на котором висел закинутый за спину щит:

– Ты где мешок взял, выродок?

– М-мой... – промычал Хорек.

– А то, что в нем?! Откуда?

– Я... это... – окончательно растерялся Хорек. – В трактире... Он мне сам дал! Сам дал, я не воровал! Жирный трактирщик дал!

Десятник оттолкнул его и зычно закричал, развернувшись к голове колонны:

– Господин капитан! Вертаться надо назад!

Крэйг поднял палец вверх, привлекая внимание товарищей.

Те насторожились, прислушиваясь.

За стенами трактира что-то происходило. Через пару минут стало возможным понять – что именно. Приближался многоногий дробный и тяжелый топот, резкие голоса, как вороны, заматались над крышами трактира.

– Служивые возвращаются, – сказал Крэйг. – Чего это они спохватились?..

Гвардейцы ворвались в трапезную через дверь и окна. Окружив четверку, они направили на них копыта:

– Стоять смирно!

– Не шевелиться, скотина!

– Только попробуй дрыгнуться, гад!..

Парни и не думали сопротивляться. Только Мюр, поморщив усыпанный веснушками курносый нос, пальцем небрежно отвел маячившее у лица копейное острие, пробурчав:

– Ослобони маленько...

А Манго, прищурившись на гвардейца, оказавшегося напротив, значительно произнес:

– Поспокойней, ладно? А то отберу палку твою да засуну тебе же кое-куда...

– Не советую, братцы-гвардейцы, горячку пороть, – внес свою лепту могучим басом Крэйг. – Попортим вас, не ровен час.

И так веско это было сказано, что гвардейцы мигом поумерили пыл. Впрочем, не только под впечатлением слов здоровяка. Полдюжины поувеченных, разбросанных тут и там недвижимых тел тоже произвели вполне определенный эффект. К тому же, разглядев тела повнимательней, служивые, опустив копыта, попятнулись: кто прижался спинами к стенам, а кого и вовсе выдавили во двор – гвардейцы явно узнали тех, за кем шли по пятам с самого Золотого Рога:

– Гляди-ка, Мартин!..

– Сам Ухорез, собственной персоной!..

– А вон этот – Рамси Лютый! А вон тот – Стю Одноглазый!..

– Вот тебе и пьянь деревенская! Всю банду положили...

– Что-то не шибко они теперь пьяные-то... Быстро протрезвели.

– Где капитан-то? Сказано: хватать всех, кто в трактире... А как их похватаешь, таких?.. Что делать?..

Капитан не заставил себя долго ждать. Он влетел в трактир, растолкав солдат, с обнаженным мечом в руках:

– Подайте мне сюда этого жирного сукина сына!.. Где он?

– Мне было б тоже интересно это знать... – негромко заметил Эвин.

Капитан, едва не споткнувшись о мертвого Гага, остановился как вкопанный, распахнув глаза и разинув рот, в котором моментально онемел гневный вопль. Взгляд его ошалело запрыгал от одного валявшегося тела к другому. Углядев рыжие космы лежащего у окна Мартина, капитан выронил меч.

– Эт-то как понимать? – как-то беспомощно выговорил он, озираясь. – Ухорез? Откуда?.. Что тут происходит?..

– Ничего не происходит, – степенно сообщил Крэйг. – Все уже произошло.

– Было куда как проще, чем с оборотнями на Кабаньем хуторе, между прочим, – вставил Мюр.

– Эт-то... вы их так?

– Ну не вы же... – брякнул чернявый крепыш Манго. – Сам профукал Мартина, сам теперь удивляется!

Крэйг укоризненно помотал головой, а капитан от заявления парня побагровел, затопал ногами, нашаривая пустые ножны на бедре, разинул уже рот, наверное, для того, чтобы отдать приказ солдатам... И кто знает, чем закончился бы для него и его людей этот день, если б

не подоспевший вовремя десятник, который повис на плече своего командира, что-то горячо шепча ему в ухо и опасливо поглядывая при этом на четверку, совершенно спокойно стоявшую в центре трапезной – видимо, что-то насчет того, что неразумно связываться с теми, кто без особого труда разобрался с грозной бандой неуловимого Ухореза. Скоро лицо капитана обмякло, кровь отлила от кожи. Он принял меч, услужливо поданный одним из гвардейцев, с лязгом швырнул клинок в ножны и прокашлялся.

– Вот что, мужички, – сказал он, явно делая над собой усилие, – не знаю, что здесь случилось и, если честно, знать не хочу. Вы, видно, храбрые люди, добрые подданные графства Утренней Звезды, верные слуги его сиятельства сэра Альвы, раз душегубов этих положили – ворон ворону-то глаз не выклюет. А раз так, разойдемся по справедливости. Я ваших слов поганных не слышал, а вы их не говорили. Вот вам... – он развязал кошель на поясе, – за ваши труды ратные. Это на закуску. А выпивку берите сами – сколько вместить сможете. Этот трактир именем его светлости отдается вам на целый день и целую ночь. А? Как?..

Бросив под ноги Крэйгу три золотых, капитан подбоченился, готовый выслушать слова благодарности за свою беспримерную щедрость.

Четверо переглянулись, не торопясь ни поднимать монеты, ни благодарить за них.

Капитан протяжно вздохнул и качнул красным султаном на шлеме в сторону десятника:

– Душегубов – в цепи! Забираем!

Манго и Мюр синхронно присвистнули.

– Ловко! – сказал Манго. – Явился на все готовенькое...

– Никого вы никуда не забираете, господин капитан, – отреагировал Крэйг.

– Что? – не поверил своим ушам капитан. – Опять?.. Да со мной почти полсотни бойцов! Пусть вам каким-то образом удалось семерых разбойников положить, но против нас-то никак вам не выстоять! Берите деньги и радуйтесь, что все так удачно обошлось!.. За дерзость неслыханную полагается вас, вообще-то, плетью высечь... А то и на виселицу вздернуть просушиться! Вы вообще кто такие?!

– С этого и надо было начинать... – заговорил было Крэйг, но задира Манго снова вылез вперед него:

– Цену голове Мартина Ухореза мы и без тебя очень хорошо знаем, – начал объяснять он. – А золотишко получит тот, кто Мартина поймает, сам герцог так сказал...

– Сожалею, господин капитан, – вступил в разговор Эвин; ничуть не вызываясь звучала его речь, а вполне даже добродушно. – Ухореза вы не получите. И дело не в золоте. Я дал слово дядюшке доставить Мартина в Утреннюю Звезду, коли этот душегуб попадется мне на пути. Разве человек чести может нарушить данное им слово? Мартин Ухорез достанется моему дядюшке, господин капитан.

Капитан свирепо запыхтел, явно едва сдерживаясь, чтобы снова не взорваться.

– Дядюшке, говоришь? – прошипел он, скаля зубы. – А кто у нас дядюшка-то, а? Небось, лавочник какой-нибудь? Или ростовщик. Велика птица – Ухореза ему подавай! Ишь, умник, чужими руками жар загребает... А знаешь ли ты, что мне только гонца послать в Утреннюю Звезду, сэру Альве, верному вассалу его светлости герцога, как твоего премудрого дядюшку упекут на веки вечные в вонючий подвал?! А? И вас, всех четверых, вместе с ним! Потому что вы не кто другие, как – пособники Мартина Ухореза! А? Кому его сиятельство граф Альва поверит: мне, капитану гвардии властителя Арвендейла, или кучке оборванцев? Отвечай, наглец белобрысый! Или я тебя сейчас лично на куски порублю!

Манго и Мюр усталились на Эвина с каким-то непонятным предвкушением. И в бороде Крейга блеснула странная улыбка.

– Отвечаю, – кивнул светловолосой головой Эвин. Спокойно кивнул, хотя в голосе его зазвенели мальчишеские нотки оскорбленной гордости. – Его сиятельство граф Альва, безусловно, поверит кучке оборванцев. Потому что он мой дядюшка и есть.

– Да ты сумасшедший, что ли? – выпучил глаза капитан.

А десятник вдруг ахнул и присел с видом человека, только что осознавшего досадную ошибку.

– Не сумасшедший! – простонал он. – Так вот оно что, господин капитан! А я-то думал, как они умудрились душегубов Ухореза того-этого... Кто ж на такое способен, кроме Полуночных Егерей?! А коли они – Егеря, значит, парень...

– Виконт Эвин Сторм, – с достоинством представился Эвин. – Сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов.

– И по поводу «на куски порублю»... – добавил Крэйг. – Ты же знаешь, что Полуночные Егеря по праву считаются самыми лучшими бойцами во всем Арвендейле?.. А возможно, и во всей империи. Конечно, знаешь. Так вот, Эвин Сторм – лучший боец среди Полуночных Егерей. Так что... не советую даже пытаться... Идите-ка обратно в Золотой Рог подобру-поздорову.

Капитан окаменел. Десятник вытянулся во фрунт. Рядовые гвардейцы тоже притихли, опасаясь шелохнуться. Впрочем, немая сцена длилась всего несколько секунд – в трапезную втокнули Хорька, который, постоянно поправляя сползающий на переносицу шлем, по инерции продолжал оправдываться, малосвязно бормоча что-то про ледник и поросей.

– Ну, конечно! – хлопнул в ладоши Эвин. – Ледник!..

Он метнулся на кухню, откуда тотчас раздался скрип открываемого люка. Вернулся парень скоро и заметно помрачневший.

– Там они... – сказал он. – Все, кому не повезло оказаться в трактире, когда сюда Мартин Ухорез явился. И Буба, конечно, там... Правда, почему-то без ноги...

Глава 2

Отряд Полуночных Егерей возвращался в Утреннюю Звезду.

Вряд ли теперь кто-нибудь сумел узнать в Егерях тех подгулявших парней, что устроили разгром в придорожном трактире бедолаги Круглого Бубы.

Первым ехал командор Крэйг. Верхов на необычайно крупном – под стать себе – вороном жеребце командор смотрелся настоящим великаном. Его борода, уже аккуратно расчесанная и смазанная маслом, солидно ниспадала на добротный кожаный нагрудник. За левым плечом косо торчала к небу рукоять громадного двуручного меча; серый плащ стекал с плеч Крэйга по конскому крупу, спускаясь почти до самой земли, и мертво скалилась на том плаще башка гхарка, прон-зенная копьем, – отличительный знак Полуночных Егерей.

Мюр и Манго, укрытые точно такими же плащами, ехали следом за Крэйгом, по обе стороны от той самой телеги, увлекаемой тем самым здоровенным битюгом. Теперь в телеге громоздилась большая клетка, коряво собранная из тонких прутьев, которые крепились друг к другу в нужных местах обыкновенными веревками. Выглядела клетка откровенно хлипкой, однако разбойники, заключенные в ней, не предпринимали никаких попыток освободиться. Заклинание Нерушимой Замычки обуславливало надежность временной тюрьмы банды Мартина Ухореза.

Разбойники тихо и мрачно шелестели – переговаривались между собой. Время от времени кто-нибудь из них повышал голос сильнее обычного, тогда Мюр или Манго со своих коней лениво толкали ногой клетку:

– Тихо там! А то вот я кого-то сейчас опять пощечочу!

И грозные душегубы, совсем недавно наводившие ужас на половину великого Арвендейла, тут же надолго умолкали. Ибо пару часов назад некоторые из них испытали на собственной шкуре, что значит это самое «пощечочу» – когда рыпнулись предложить Егерям обменять свою свободу на несметные сокровища, якобы спрятанные вот именно на такой случай в неких потайных схрапах.

Рыжий Мартин Ухорез с видом совершенно безучастным сидел в углу клетки. С той минуты, когда его привели в чувство, чтобы транспортировать в свежесобранную клетку, он не произнес ни слова. На лбу знаменитого разбойника красовалась внушительная сине-красная гуля, и голову он держал несколько набок.

Позади клетки темнел на телеге большой мешок, густо испачканный темной кровью.

Битюгом, тянувшим телегу с клеткой, правил Эвин.

Его свернутый в складку плащ и длинный меч в ножнах покоились на коленях – сидеть на облучке в полном облачении и вооружении было, конечно, совсем не так удобно, как в седле. Конь же Эвина трусил на привязи за скрипуче покачивающейся телегой. Трусил рядом с конем Гага, на крупе которого лежало тело самого Гага, привязанное к седлу, плотно обернутое серым плащом, который пропитали благовониями – чтобы животных не пугал запах мертвеца.

Дорога шла через негустой лесок, петляла между деревьями.

Эвин сидел на облучке, поджав ноги. Было что-то наивно мальчишеское в этой позе, и в том еще, как он постоянно с внимательным интересом чуть поворачивал голову на малейший звук и малейшее движение вокруг себя, как делают дети, попавшие туда, где никогда не были. Хотя маловероятно, конечно, что Эвину раньше не приходилось бывать в таких вот лесках...

Дорога была неровной, она то подпрыгивала, то стремилась вниз. Красное закатное солнце, раз за разом выныривая из-за верхушек разноцветных крон, бросало пригоршни ярчайшего света в глаза людям, на секунду озаряло лесок новыми красками. И Егеря, и разбойники от этого недовольно щурились, а Эвин, подавлявая моменты изменения освещения,

напротив – шире распахивал глаза, приподнимаясь и оглядываясь вокруг. Должно быть, его отчего-то интересовало абсолютно все, что происходило с миром, в котором он жил...

Отряд остановился на привал, когда до сумерек оставалось немногим более часа. К тому времени лесок уже закончился, сменившись диким полем, на котором дорожная колея едва была видна за буйными побегами пыльного чертополоха. Егеря спешили и занялись приготовлением лагеря.

Они вытоптали немалую поляну, в центре которой выкопали яму глубиной по колено человеку, развели в этой яме костер из припасенных заранее сучьев, набрали воды из ручейка, бежавшего в близлежащей низинке... Поставили на огонь большущий котел, куда опустили вариться изрядный шмат мяса. Вскоре из котла потянулся приятственный парок, и разбойники в клетке зашевелились, захлюпали носами, зачмокали... А уж когда Крэйг сыпанул в котел пригоршню каких-то трав, запах стал таким соблазнительным, что душегубы не выдержали.

– Эй, сторожа-приглядчики! – осторожно подал голос бандит с замотанным окровавленной тряпкой бедром. – Нам ужин полагается ай нет?

– Я что говорил по поводу шума? – с притворной свирепостью обернулся к нему Манго. – Пощекотать?..

– Нет, правда же... – втянув голову в плечи и вцепившись руками в прутья клетки, проскулил разбойник. – В любой тюрьме узников кормят, нет такого закона, чтоб людей голодом морить. Жрать охота!

– А есть такой закон, чтобы невинных убивать-грабить? – осведомился Манго. – Или чтобы эльфийские иэлли для забавы жечь?

– Нам законы не писаны, – ответил на это бандит с черным провалом вместо правого глаза. – На то мы и вольные молодцы, чтоб жить по своей воле. А вы законов держаться должны. Иначе чем вы от нас отличаетесь?

– Верно Стю Одноглазый говорит! – зашумели разбойники, осмелев, потому что всякий человек смелеет, почуяв за собой какую-нибудь правду. – Жрать давайте, сторожа-приглядчики!

– Нет, в самом деле, зачем вы иэлли жгли? – спросил Мюр. – Какая вам от того польза?

Этот вопрос Егеря задавали банде Мартина Ухореза и раньше и не единожды, но разбойники всякий раз угрюмо отмалчивались.

Ничего не ответили они и теперь. Только все как по команде повернулись в сторону отстраненно недвижимого Ухореза, точно безмолвно прося разрешения... Тот разрешения не дал: усмехнувшись, запрещающе качнул головой.

– Ну, коли языки развязать не хотите, так и сидите голодными! – пожал плечами Мюр.

Разбойники приглушенно забухтели, однако полемику продолжать не посмели.

Эвин, прихватив кожаные мехи, направился к ручью – набрать воды, чтобы напоить коней, пасущихся стреноженными неподалеку. Крэйг сосредоточенно помешивал варево в котле, а Мюр и Манго в ожидании ужина затеяли фехтовать на ножнах от мечей. Поединок этот был вовсе не шуточный, парни явно тренировались и отдавались этому делу со всей серьезностью. Не ограничиваясь общеизвестными приемами, они скакали друг вокруг друга, выдавая замысловатые финты, и ножны их мелькали в предночной полутьме почти неразличимыми зигзагами. Увлечшись, парни принялись выделывать такие кувьрки и кульбиты, что Стю Одноглазый из своей клетки с мрачным удивлением заметил:

– Правду говорят, что Полуночных Егерей никому в Арвендейле в честном бою не одолеть. Да и в нечестном, видать, тоже... Это что же было б, если они против нас с оружием пошли б? От нас бы в секунду мелкое крошево осталось...

Кажется, никто и не заметил, как Крэйг, оставив варево побулькивать на огне, покинул лагерь. Отправился в ту сторону, где паслись кони.

Стало уже совсем по-ночному темно. Отдалившись порядочно от костра в заранее избранном направлении, Крэйг притормозил, слепо моргая, прислушиваясь. И сразу уловил ухом конское усталое пофыркивание, треск травы, а секунду спустя и услышал голос Эвина:

– Ты меня ищешь?

– А то кого ж?.. – отозвался Крэйг.

Он прошел еще несколько шагов, совершенно неслышно ступая в густой непроглядной темноте. И остановился, почувствовав, что юноша стоит прямо перед ним.

– Глаза у тебя, как у кошки, – заметил Крэйг.

– Глаза у меня, как у всех, – сказал Эвин из тьмы.

– Ну, значит, слух, как у совы.

– И слух обычный, человеческий. Твой Черныш забеспокоился, тебя почуяв, – в этом дело... Да ведь, по-моему, ты о чем-то другом хотел поговорить?

– Да.

Крэйг ненадолго замолчал.

– Это уже начинает происходить, – проговорил он. – Первая кровь уже пролилась. Помнишь мои слова?..

– Три дня назад, – подтверждая, что помнит, ответил Эвин, – примерно в этот же час.

– Верно...

– Я все посчитал! – заявил Гаг, подбросив в огонь только что переломленный надвое пук сухих веток. Пламя, съжившись на мгновение, вдруг пыхнуло ярче, осветив лица сидящих вокруг костра.

Гаг бухнулся на траву между Манго и Мюром и продолжал:

– Какого-нибудь обыкновенного домика мне не надо! Я хочу, чтоб... по-настоящему! Большой добротный каменный дом, такой... башенкой! И не где-нибудь, а на месте отцовской лачуги. Была лачуга, а станет – дом! С двускатной крышей, а на крыше высоченный шпиль, а на шпиле флюгер. Знаете, какой флюгер будет? Наш знак – голова гхарка и копье... Пусть все видят, чей дом-то! Я ведь из родной деревеньки уходил – голь голью! Как мать померла, отец все подчистую пропил. Даже одежду мою. Поверите, в соломенной повязке вместо порток уходил я из родной деревеньки! Вот соседи-то веселились! Отправился мальчонка в Утреннюю Звезду в Полуночные Егеря проситься! В соломенной повязке, с голым пузом!

Манго и Мюр с готовностью заржали, хотя историю эту слышали уже не в первый и даже не в десятый раз. Рассмеялся и Эвин. Командор Крэйг усмехнулся, погладив бороду.

– А я им тогда сказал, соседям-то: я, мол, вернусь еще! – говорил дальше воодушевленный реакцией аудитории Гаг. – А как вернусь, кланяться мне будете! Да еще и за честь это почитать! Да... Я все посчитал! Еще два года мне жалованье копить осталось, и тогда – моя очередь смеяться придет! Это ведь, братцы, такое счастье, – доверительно выдохнул он, – когда не в казарме обитаешь, а свое жилище имеешь, свое собственное! Когда жрачка своя, а не казенная, когда одежда своя... Да что там говорить! У меня ведь сроду ничего своего не было. Но будет, братцы, будет!.. – Гаг словно захмелел от предвкушения, заговорил быстро и горячо. – Человек – он только тогда человек, когда у него свое место в мире есть, свой кусок мира. Человек только тогда человек, когда он – хозяин! И вот за это-то – я зубами глотки готов грызть! Хоть гхарку, хоть оборотню, хоть увурту, хоть таргану... кому угодно!

Манго и Мюр снова засмеялись. А вот Эвину стало не до смеха. Неприятно укололи Эвина слова Гага.

Последнее время он часто задумывался о том дне, когда стукнет ему семнадцать лет. Когда по закону Империи он получит право сместить дядю-регента и стать лордом Утренней Земли. И как-то... не уместалось у него в голове, что же это на самом деле такое – быть лордом. Не мог он охватить разумом, как это так: легендарный замок, сотни лет защищающий земли

Светлых рас от Темных тварей, необъятная земля вокруг, все люди, что ходят по этой земле, – все это будет его. То есть может быть его. Как-то не чувствовал он себя – лордом. Хозяином – не чувствовал он себя.

Верно, прав дядюшка Альва, с малых лет заменивший ему отца: не пришло еще время Эвину править Утренней Звездой. Конечно, прав дядюшка Альва. Разве когда-нибудь дядюшка Альва бывал неправым?

Но отчего тогда в душе юноши зловредным сорняком зреет досада? Отчего он, думая о скором дне совершеннолетия, неизменно чувствует себя... обокраденным, что ли?

Эвин поднялся, чтобы отойти по нужде. Честно сказать, не очень-то ему и хотелось, просто тошно было слушать захлебывающиеся откровения брата-Егеря.

Вышедши из светового круга, он услышал, как голос Гага вдруг сполз до жирного шепота. А чуть погодя приглушенно затарахтели Манго и Мюр.

«Обо мне ведь говорят!» – с неудовольствием догадался Эвин.

Двигаясь тихо, он вернулся на несколько шагов.

– ...куда ему!.. – поймал он, словно рыбу за хвост, окончание фразы. – Наш графенок-то, как телок. Куда поведут, туда и пойдет. Ну, сами посудите, какой из него лорд?..

Это говорил Гаг.

Эвин болезненно поморщился. И вышел на свет.

Гаг тут же примолк. Смущенно кашлянул, опустил глаза и принялся с неестественной сосредоточенностью ковырять ногти кинжалом.

– За моей спиной меня и обсуждаете? – деревянным голосом осведомился Эвин.

– Да ладно... – буркнул Гаг.

– И чего мы такого страшного сказали? – проговорил Манго. – Обиделся, что ли? Зря. Брось, брат-Егерь!

– На правду не обижаются, – миролюбиво поддакнул Мюр. – Мы ж того... любя.

«Так и есть... – стукнуло в голове Эвина. – На правду не обижаются...»

Он все еще стоял, путаясь в мыслях, не находя, что ответить им.

– Садись, садись! – позвал Крэйг. – Сейчас похлебка поспеет.

Эвин остался стоять. Тогда Крэйг полностью развернулся к нему:

– Ну а коли не сидится – принеси еще пару охапок хвороста. Ночь, видно, холодная будет.

Эвин вздохнул. Обида понемногу отпускала. Он направился было снова в темноту, но тут у костра затрещал, стремительно разрастаясь, как колючий шар, многоголосый смех.

– Вот об этом мы и толковали! – воскликнул Мюр, хлопнув себя ладонями по коленям. – Какой же ты, к болотным троллям, лорд, ежели для нас – простых мужиков – за хворостом готов броситься по первому зову! Ну?

– А еще обижается! – присовокупил Манго.

– Правду никому неприятно слышать, – важно кивнул Гаг.

– Простите великодушно, ваше сиятельство! – дурашливо искривил спину в неуклюжем поклоне сидящий Мюр. – Не гневайтесь на чернь низкородную...

– Можеть, енто-того... – ломая язык, затараторил задира Манго, – нам убраться подальше от вашего сиятельства? Можеть, в вашем благородном носе от мужицкого духа свербить?.. Не извольте беспокоиться, мы это мигом...

А Гаг, чуть приподнявшись, выдал задом протяжную руладу и тут же исказил физиономию в притворном ужасе:

– Не велите казнить, благородный лорд!.. Не нарочно!..

Подобные изысканные шутки в этой компании были делом обычным, но на этот раз Эвин, вместо того чтобы рассмеяться вместе со всеми, вдруг даже похолодел на секунду от неожиданной обиды. Эвин метнулся к шутникам – и мгновенная ярость проступила на его лице –

как взлетает из-под спокойной воды морда речного чудища. Трое повскакивали со своих мест. Только Крэйг остался сидеть.

– Охолонь! – твердо проговорил он. – Чего ты взбесился, Эвин? А вы, жеребцы, хорош ржать! А ну успокоились все! – уже громко, командно прикрикнул он. – Сядьте!

И все сели.

– Вам, троим, – строго сказал здоровяк, – поменьше трепаться надо бы. А тебе, Эвин, нелишне было б уяснить: каждый человек стоит того, чего он на самом деле стоит. А не того, что фантазирует о себе.

– Мы же... Полуночные Егеря! – Эвин еще взволнованно дышал. – Мы же братья друг другу! Что с того, что я за хворостом пошел?! Каждый из вас не пошел бы, если его попросят?

– Конечно, пошел бы, – мирно проговорил Крэйг и погладил бороду. – В этом-то и дело. Ты – Полуночный Егерь, Эвин. Воин, наученный сражаться с Темными тварями.

– Я – виконт Эвин Сторм! Сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов! Полноправный наследник Утренней Звезды! И – если на то будет мое желание – я стану лордом в день своего семнадцатилетия! У меня есть на то законное право!

На этот раз никто не засмеялся. На Эвина, своего парня Эвина, брата-Егеря, посмотрели с удивлением.

– Никто с этим не спорит, – сказал Крэйг. – Все правильно, все так и есть. Только вот... Пять лет ты учился владеть всеми видами оружия, используемого человеком, пять лет ты изучал повадки Темных тварей, пять лет учился сражаться с ними, пять лет ты постигал особые заклинания боевой магии, доступные лишь Полуночным Егерям. А каким еще опытом овладел ты за эти годы?

Эвин промедлил с ответом, и Крэйг задал новый вопрос:

– А что будет, если лорда Утренней Звезды, сэра Альву Сторма, твоего дядюшку и нашего господина, поставить против стаи тарганов? Или против парочки пещерных увортов? Одолеет ли он тварей?

– Под командованием сэра Альвы гарнизон Утренней Звезды, – воскликнул Эвин, – да еще две сотни Стражей из Крадекрама и Эллосиила! Сэру Альве незачем лично сражаться!

– Вот ты и ответил на свой вопрос, – прервал его Крэйг. – Сэр Альва – лорд, а вовсе не простой воин. Думаешь, править огромным замком и обширными землями – проще, чем сражаться с Темными?

– Понятно, не проще...

– Сэр Альва Сторм, лорд Утренней Звезды, – веско проговорил здоровяк, – не выстоит в бою один на один с Темной тварью. Как сэр Эвин Сторм, Полуночный Егерь, не справится с обязанностями лорда.

– Справлюсь! – не подумав бухнул юноша. – Я рожден лордом!

– Сейчас не разум твой говорит, – нахмурился Крэйг, – а оскорбленное самолюбие. Хорошо запомни одну вещь: если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Жди большой крови...

Эвин снова молчал. Что-то непонятное творилось в его душе. Он отлично понимал все, что говорил ему Крэйг, но какая-то часть сознания юноши бурно протестовала против этого понимания. Вероятно, впервые в жизни он в самом деле почувствовал себя лордом. Точнее – ощутил, что может почувствовать себя лордом, ощутил, что имеет на это право. Так всегда и бывает: когда у тебя что-то пытаются отнять, тебе это что-то сразу становится нестерпимо дорого...

– Если будет на то мое желание, – упрямо повторил Эвин, – я не отдам дядюшке Утреннюю Звезду.

– Послушай, Эвин, я хочу тебе добра... Я хочу предостеречь тебя. Послушай! Графство Утренней Звезды процветает исключительно потому, что им правит сэр Альва! Во всем Арвен-

дейле нет владений, где бы людям жилось так хорошо и сыто, как здесь. И всем нам, кому выпало родиться в этом графстве, преступно даже думать о возможных переменах!

– Эвин, брат, пошутили и хватит! – вякнул было Мюр.

– Муха тебя какая-то, что ли, укусила? – предположил Гаг. – А ну дай лапу!..

– Я не хочу больше говорить об этом, – отрезал Эвин и сам подивился тому, как это вышло у него внушительно... естественно внушительно.

Протянутая к нему рука Гага неловко повисла в воздухе.

Крэйг тут же замолчал, вздернув косматые брови высоко на лоб.

– Как вам будет угодно, ваше сиятельство, – не-громко проговорил он.

И снова никто из сидящих вокруг костра не засмеялся. И Крэйг в тот вечер более не продолжал этого разговора.

Поодаль лизали мглу нервные языки костра. Искры взлетали к небу, на котором вовсю уже спели холодные звезды, искры взлетали к небу да еще глухой перестук сталкивающихся ножен, да еще задорные выкрики Манго и Мюра. Только голоса Гага не было слышно. Потому что Гаг, неподвижный, бездыханный, неживой, лежал закутанным в пропитанный благовониями плащ на сырой от ночной росы траве, недалеко от костра, на границе света и тьмы.

– Помнишь мои слова? – спросил Крэйг невидимого в темноте юношу. – Если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Жди большой крови. И первая кровь уже пролилась...

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то ты не понимаешь. Гаг...

– Брат-Егерь Гаг погиб в бою! Ты ведь сам говорил, командор!.. Ты говорил, что в темноте...

– Гага убил ты, – коротко произнес командор, и Эвин тут же замолчал. – Потому что он пытался убить тебя. Разве не так? Ты это знаешь. И я это знаю. И Мюр с Манго это знают.

– Зачем же ты тогда?..

– Чтобы поставить точку в этом происшествии. Потому что иначе неизменно будут всплывать вопросы, ответы на которые никому не принесут ничего хорошего. Почему сейчас я снова – наедине с тобой – поднимаю эту тему? Чтобы еще раз предостеречь тебя: когда профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Ты рожден лордом, брат-Егерь Эвин, а значит, у тебя достанет ума и воли поступать так, как необходимо во благо твоей земли и твоего народа. Род Стальных Орлов – древний и славный род, Адам Сторм, твой отец, был великим воином, лордом Утренней Звезды и командором Полуночных Егерей. Я сражался под его началом, когда был таким же юным, как ты сейчас... Славные времена! Грозные времена... Темные твари были все еще достаточно многочисленны, противостоять им стоило значительных усилий, поэтому неудивительно, что основное внимание и время сэра Адам тратил на войну с ними. Замок Утренняя Звезда оставался непреодолимой преградой на пути Темных в Арвендейл, а вот земли графства находились в бедственном положении. Твой отец с честью исполнил свое предназначение, большинство тварей было истреблено, их гнезда и логова в ближайших пределах Тухлой Топи – разорены, и поток Темных окончательно иссяк. После смерти сэра Адама долг править Утренней Звездой взял на себя сэр Альва. Кто скажет, что сэр Альва – скверный лорд?

– Сэр Альва – рачительный хозяин и талантливый управитель! – с гордостью сказал Эвин.

– Нужен ли Утренней Звезде иной лорд? – спросил его командор Крэйг. – Можешь ли ты сейчас стать лордом лучшим, чем твой дядюшка?

– Я... – начал было Эвин и замолчал, не закончив.

– С того времени, как Утренней Звездой владел сэр Адам, все изменилось. Война с Темными завершена. Твари иногда еще показываются в Арвендейле, выбираясь из тайных лого-

виш, но страшной угрозы, исходящей с Тухлой Топи, места основного обиталища Темных, уже не существует. Мы подбираем недобитков. Нашим землям уже не нужен лорд-воин. Нашим землям нужен лорд – как ты верно сказал – рачительный хозяин и талантливый управитель. И это понимают все.

– И Гаг?.. – тихо спросил Эвин. – Понимал?..

Командор Крэйг не ответил на этот вопрос. Он сказал только:

– Думаешь, случайность, что этот... неприятный инцидент произошел сразу после того, как ты во все-услышание объявил о своем намерении?

– Ты имеешь в виду... – не дождавшись ответа, сызнова начал юноша, – Гаг, улучив удобный момент, ударил меня в спину ножом, потому что не хотел, чтобы я становился лордом?

– Разве ты не думал об этом?.. – заговорил Крэйг. – Впрочем, вряд ли простой парень Гаг, пределом мечтаний которого был домик в родной деревне на зависть соседям, обуреваем столь высокими думами о судьбе графства...

– Ему заплатили? – спросил Эвин, и по голосу его ясно было, что он ужаснулся. – Ему заплатили, чтобы он наблюдал за мной и, в случае, если я?..

– Нельзя с уверенностью отметить этот вариант.

– Да не может быть! Это же... Гаг! Наш Гаг! Брат-Егерь Гаг! Не верю! И не понимаю...

– Ты еще мальчик, Эвин, – просто ответил Крэйг. – Ты многого пока не понимаешь.

– Кто мог заплатить Гагу?

– Тот, кому выгодна текущая ситуация, конечно. Тот, кто не желает ничего менять.

– Кто именно? Погоди... Дядя? – изумился юноша. – Ты с ума сошел? Мой родной дядюшка, заменивший мне отца, воспитавший меня? Хочешь, сказать, это он? Может быть, ты еще скажешь, что и братья мои, Элиан и Эдгард, сгинули по его вине?! Я его прямой наследник, рано или поздно я все равно сяду на престол Утренней Звезды, какой смысл ему убивать меня?!

– Не кричи. Не нужно, чтобы ребята нас слышали, ни к чему это... Почему сразу сэра Альва? И кроме него в землях Утренней Земли есть достаточно тех, кому по сердцу правление твоего дядюшки и кто опасается того, что ты станешь лордом.

– Но кто же?!

– Откуда я знаю, Эвин? Повторяю, я завел этот разговор, чтобы предостеречь тебя. Как бы то ни было, но, если ты не откажешься от своего... дурацкого намерения, прольется еще кровь, прольется еще много крови. Ибо есть истина истин: если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Вот и все, что я хотел тебе сказать.

Эвин молчал.

– Послушай... – негромко проговорил Крэйг. – Почему ты так жаждешь Утренней Звезды именно теперь? Тебе еще нет семнадцати, а ты хочешь взвалить на себя этот тяжеленный груз, почему? Впереди у тебя долгая жизнь. Да, в конце концов ты все равно станешь лордом родового своего замка, сменив сэра Альву, одряхлевшего и обессиленного. Но – вот что я скажу тебе – я вижу, что у тебя другой путь. Ты воин, Эвин, прирожденный воин. Тебе дарован особый, редкий по мощи талант. И глупо будет зарыть этот талант в землю. Ты уже сейчас лучший из лучших, что же будет, когда возмужаешь? У каждого свой путь. Кому-то предначертано стать лордом-хозяином, кому-то воином. А кому-то, как твоему дядюшке Акселю, выдающимся магом, способным проникать умственным взором в самые глубины чародейских премудростей...

Эвин молчал.

– Тебе нет нужды заботиться о пропитании, – добавил Крэйг. – Если тебя не прельщает путь воина, ты всегда можешь оставить бранное поприще, вернуться к спокойной и обеспеченной жизни. Охотиться, путешествовать, пировать... Да что угодно! Жениться! Юные леди

Арвендейла в очередь выстроится, объяви ты только о намерении найти супругу. Его сиятельство ведь обещал тебе любой замок в графстве, какой захочешь...

– Любой, – подтвердил Эвин, – только не Утреннюю Звезду.

– Да свет, что ли, клином сошелся на той Звезде!.. – с досадой поморщился командор. – Почему все-таки?

– Потому что она моя по праву, и потому что пришло мое время... – тихо ответил юноша. – Зачем мне другой замок? Помнишь, как говорил Гаг? Человек только тогда человек, когда у него свое место в мире есть. Утренняя Звезда – разве не мое место? Ничего другого-то у меня нет. И никогда не было. У меня вообще нет ничего своего...

– Как и у многих из нас, – вставил командор.

– Да я не об этом! Не о материальном. Вернее, не только о материальном. Я и сам по себе – как бы не свой. Непонятно, какому миру принадлежу. Разве братья-Егеря воспринимают меня ровней? Для них я – графенок, которому вздумалось приключений поискать, высокородный баловник, у которого почему-то все легко получается. А для придворных в родном замке, наоборот, я – чужак, шатающийся с мечом в руках по медвежьим углам графства, вместо того чтобы... – Эвин прервал себя, замолчав на середине фразы. Кажется, те слова, что вырвались у него сейчас, он не собирался произносить.

– Да к болотным троллям этих твоих придворных... – подождав немного – не продолжит ли юноша речь, тихо проговорил Крэйг. – А насчет наших ребят. Не нам их судить. Люди теперь приходят в Полуночные Егеря за хорошим жалованьем, чтобы заслужить себе достойную жизнь, а не по какой-то иной причине. А когда-то все было совсем не так...

– И... я не хочу спокойной жизни в тихом замке, командор, – сказал еще Эвин. – Я хочу делать что-то, что действительно важно – не только для меня одного, но и для всех вокруг. А что может быть важнее, чем стоять на страже Арвендейла?

– А сейчас ты не стоишь на страже Арвендейла?

– Да. Получая за то жалованье, как и другие братья-Егеря.

Несколько минут было тихо, затем в темноте раздался шорох – это командор Крэйг поскреб под нагрудником чудовищный свой шрам.

– Я уже не тот, что раньше, – сказал он. – Мне здорово досталось тогда, одиннадцать лет назад, в Кровавую Субботу... Эта рана все чаще и чаще напоминает о себе. Я ведь потому и перешел на двуручный меч, что правая моя рука с каждым годом теряет силу и ловкость. А ведь когда-то я считал, что мне сносу не будет... Да, время мое – уже на исходе. Знаешь, чего действительно хочу? Я хочу, чтобы ты занял мое место, стал командором Полуночных Егерей, вернул бы нам былую славу. Пусть Темных тварей почти не осталось в ближайших пределах Тухлой Топи, да и в самом Арвендейле их ничтожно мало... Но они есть. И к тому же разве только одни Темные угрожают мирной жизни людей? И разве обязательно нужно быть лордом Утренней Звезды, чтобы защищать Арвендейл? Как ты думаешь, Эвин, я – командор Полуночных Егерей – сражаюсь за жалованье?

От костра, почти невидного, неясно краснеющего неподалеку, прилетел острый свист.

– Эвин? – позвал Крэйг.

– Я услышал тебя, командор, – отозвался юноша.

– Хочется верить, что ты хорошо меня услышал, – сказал Крэйг.

– Эй вы!.. – раздался голос Мюра. – Куда подевались-то?.. Похлебка готова! Ужинать пора!

Когда Эвин и Крэйг вернулись в лагерь, Манго уже снимал котел с огня, а Мюр развязывал мешок с сухарями. Бандиты из своей клетки вожаком следили за приготовлениями к трапезе. Егеря демонстративно не обращали на них внимания, рассаживаясь вокруг костра.

Когда же командор первым опустил ложку в аппетитное варево, не утерпел разбойник, именующийся Рамси Лютым:

– Сторожа-приглядчики! – покашливая от беспрестанно набегавшей в рот слюны, начал он. – Ежели по справедливости, то не накормить нас вы не можете!

– Отчего же? – поинтересовался Манго, макая в похлебку сухарь. – Очень даже можем. Скоро на место прибудем, там и вас накормят, мало не покажется. А пока попоститесь маленько, небось, не подохнете.

– Вы наши карманы-то почистили, когда обыскивали, да? – принялся рассуждать Рамси.

– Ну.

– Золотишка-то изрядно взяли!

– Так не себе же. В казну его сиятельства сэра Альвы пойдет. Поскольку на его земле вас поймали.

– Да это все равно, куда пойдет... За то золото нам хотя бы по сухарю.

– И мяска кусок! – заволновались прочие разбойники.

– И юшки похлебать!

– И пиво у вас в бурдюке имеется, мы видели! Нам как раз на всех бурдюка бы хватило...

– Ты посмотри, какие нахалы! – весело возмутился Мюр. – Выпить и закусить им подай!

А потанцевать для вас не надо?..

– Зачем иэлли жгли? – сурово посмотрел на бандитов Крэйг. – Покуда не скажете, не будет вам еды. Неужто правду говорят про вас, что вы Сумрачным сестрам служите?

И снова душегубы обернулись к своему главарю. Мартин Ухорез криво усмехнулся.

– Что ж... – сказал он. – Хуже не будет.

– Гляди-ка! – хохотнул Манго. – Заговорил! А я-то уж думал, ты, Эвин, ему говорилку отшиб!

– Сумрачным сестрам мы не служим, – произнес Мартин, обращаясь исключительно к Крэйгу, а Манго не удостоивая взглядом. – Мы одному богу служим – золотой монете. Потому и иэлли жгли, что нам за это заплачено было.

При слове «заплачено» Эвин поморщился.

– Кто платил? – осведомился Крэйг.

– А пес его знает, я имени его не спрашивал. Он сам меня нашел. Мутный такой тип, мы в таверне одной встретились. Сидел в углу, лампу настенную рядом с собой потушил и капюшон на рожу натянул. Ну не хочет человек личность свою афишировать, дело понятное. Дал мне авансом мешочек золота, сказал, что я за каждую иэллию, в пепел обращенную, буду пять таких мешочков получать. И места указал, откуда золото забирать. Ну и... все.

– Маловато информации, – погладил бороду Крэйг. – Еще что-нибудь?

– Да вроде ничего больше... А! И велел передать молодцам нашего ремесла, что и с ними такой договор заключить будет рад.

– Ты передал?

– Дурак я, что ли? – усмехнулся Ухорез. – Может, у того типа монет куры не клюют, а может, и... ограниченно. Зачем мне с кем-то делиться?

– Что дальше?

– Ну... намекнул, что не к одним иэллиям интерес имеет. А к гномьим рудникам, грааблам, тем, что в скалах Драконьей Гряды расположены. Мол, завалить пару-тройку грааблов неплохо было б... Ну, я тот разговор не поддержал. Под землей на карачках в темноте ползать – не по мне. Если вдруг Могучие обнаружат, деться некуда, да и вообще... Хотя, я слышал, кое-какие руднички в Арвендейле все-таки накрылись, видать, не одного меня этот тип навестил... Теперь точно все. Дадите пожрать?

– Бред какой-то, – пожал плечами Мюр. – Зачем кому-то за такое платить? Выгоды никакой, а неприятностей не оберешься!

– Значит, есть выгода, коли платит, – сказал на это Манго и тут же спохватился. – А вообще, чего вы его слушаете? Бандюганам верить – себя не уважать. Он за миску похлебки еще и не такое наплетет!

– Да? – повернулся к нему Мартин. – А ты кошель мой развяжи и загляни в него.

Егеря переглянулись. Крэйг кивнул Манго, и тот, с неохотой оторвавшись от еды, подошел к сваленным кучей седельным мешкам. Извлек оттуда искомый кошель, вернулся и высыпал его содержимое на освобожденную от травы землю у костра. Поворошил пятерней.

И в пляшущем огневом свете заблестели среди обычного желтого золота странные монеты – большие, с неровными источенными краями, тяжелые даже на вид, явно тоже золотые, но с каким-то невиданным отчетливым красным отливом.

Эвин взял одну такую монету, подбросил на ладони, наклонился, чтобы рассмотреть. Полустертые письмена, непрерывной вязью тянущиеся по окружности, были на незнакомом ему языке, отчеканенный на монете монарший профиль он тоже не узнал. Юноша перевернул монету. На этой стороне вместо профиля имелся причудливый сложный знак. И этот знак тоже ничего не сказал Эвину.

– Дай гляну! – попросил командор.

Юноша бросил ему монету, Крэйг покрутил ее в руках, задумчиво гмыкнул:

– Древняя... Видно, очень древняя...

– Поди, выкопал клад какой, а теперь мозги нам пудрит! – предположил Мюр.

– Других доказательств у меня нет, – сказал на это Мартин Ухорез. – Дайте пожрать, кишки свело!

– Дайте им! – распорядился Крэйг.

Он кинул монету обратно и проговорил, обращаясь к Эвину:

– Видишь, какие дела творятся... Какой-то ублюдок норовит руками людей пакости делать Могучим и Высоким. Не иначе как поссорить нас с ними хочет. Зачем? Если все так, как я думаю, то эта тварь еще страшнее Темной твари будет... А, Эвин? Есть еще работа Полуночным Егерям, да?..

Глава 3

В эти дни Восточная Торговая дорога Арвендейла, пролегающая через пределы графства Утренней Звезды, была оживлена необычайно.

На жеребцах и кобылах, скакунах и клячах, в повозках и каретах – спешили на празднование вступления графа Альвы в законные права владельца Утренней Звезды: вассалы графа, родственники вассалов, друзья родственников вассалов, друзья друзей родственников и родственники друзей друзей... Словом, все те, кто не сомневался, надеялся или хотел надеяться, что его пустят к графскому двору в день большого праздника.

Группами и поодиночке валили местные крестьяне, любопытствующие обыватели из окрестных мелких городков, а также бездельники, халявщики и бродяги всех мастей.

Полноводно и весело бурлила Восточная Торговая. И каждый, кто шел по ней к Утренней Звезде, – башенные шпили которой уже смутно синели в облачной вышине далекой Драконьей Гряды, – был полон радостного предвкушения и от того необычно мил, любезен и ласков с тем, кто рядом с ним. Так всегда у людей: если на душе тепло, кажется, что и весь окружающий мир к тебе особенно расположен. Кажется, что ветер дует в спину не по случайности, а чтобы облегчить путь; мельницы машут своими широкими добродушными крыльями не просто так, а – приветствуя тебя; и в душах людей, что идут вместе с тобой, совсем нет зла, и что там, куда ты направляешься, тебя непременно и с нетерпением ждут...

И чем ближе к Утренней Звезде, тем многочисленнее, теснее и веселее становился мир. Дома вырастали обочь дороги все чаще, чистенькие, аккуратные домишки и домики, окруженные любовно устроенными, совсем по-летнему густыми палисадниками. И белые жирные гуси бежали вслед людскому потоку, удивленно гогоча: «Го-го-гости?..», и беззаботные куры вскакивали на заборы: «Куд-куд-куда?..» И жители домиков и домишек показывались из окон и дверей, выбегали к дороге: кто просто поглазеть, а кто и – захваченный общим ажиотажем – присоединиться к шествию...

Предприимчивые торговцы спешно расставляли вдоль дороги палатки, зазывали прохладить брюхо пивом, разгорячить сердце дешевой фруктовой водкой, подкрепить силы ковригой хлеба, масляной лепешкой или куском колбасы. Бродячие музыканты пританцовывали в придорожной пыли, надрывались, внося немалую лепту в общий шум.

А вот – в удобном месте, на пригорке, расположилась диковинная компания, состоящая из горбатого мужика с длинными, свисающими до самой земли ручищами, старухи, сухой и прямой, как палка, и совсем юной девушки. Все трое – и мужик, и старуха, и девушка – выделялись необычайной смуглостью, были одеты в ярчайшие разноцветные лохмотья, а те части их тел, что эти лохмотья не скрывали, пестрели причудливой татуировкой, даже кисти рук, даже пальцы и лица; кроме того, в ушах, носах и губах странных этих людей поблескивали многочисленные металлические кольца, поблескивали и при малейшем движении слышно звенели. Окружающие поглядывали на троицу, взобравшуюся на пригорок, с интересом и некоторой опаской, будто чего-то от них ждали этакого...

– Гацане! – говорили в толпе. – Чумазые, гляди-ка!.. Явились, не запылились.

– Как без них-то!..

– Сейчас представлять будут...

И «этакое» не преминуло произойти.

Горбатый, дождавшись, пока вокруг пригорка соберется достаточно народу, вынул изо рта кривую трубку, причмокнул окольцованными губами, неспешно спрятал трубку куда-то в свои разноцветные лохмотья, поднял длинные руки к небу, несколько раз звучно хлопнул в ладоши и громко произнес:

– Добрые жители славного Арвендейла! Желательно мне потешить ваши глаза невиданным, ваши уши неслыханным! – Горбатый выговаривал слова гортанно и резко, вместе с тем в голосе его постоянно проскальзывали режущие визгливые нотки; кажется, язык, на котором он изъяснялся, не был ему родным. – Знаете же, что мой народ только для того послан в этот мир, что – на потеху людям!

– Ага, – отозвались из толпы, – а еще чтобы его, народа-то, карманы чистить да головы дурить...

– Дозволяете мне потешить вас?

– Валяй! – легкомысленно крикнул кто-то.

– Сдурел, что ли? – тут же попытались урезонить легкомысленного. – А то забыл, как говорят: если рядом гацан – держись за карман!

– А кто у гацана украдет, трех дней не проживет!

Однако у легкомысленного обнаружилось множество сторонников:

– Да пусть покривляются! Что такого случится-то?

– А ежели вдруг чего и выкинут не того, так мы им...

– Их трое всего, а нас вона сколько!..

– Кости переломаем!

– Слышал, рожа твоя неумытая?

– Гляди у нас, на вилы подыдем!.. И тебя, и баб твоих!.. Козел чумазый...

Никак не отреагировав на последний выпад (как, впрочем, и на предыдущие), горбун проговорил с поклоном:

– Ну, коли дозволяете потешить вас, добрые жители славного Арвендейла, так тому и быть... – затем вытянул правую руку перед собой, щелкнул пальцами, в которых с легким хлопком тут же материализовался большой бубен. В толпе охнули и притихли. Под звенящий аккомпанемент этого бубна горбун вместе со старухой медленно начал сходить вниз. На пригорке осталась одна девушка.

Все-таки, несмотря на ее татуировки и кольца, она была довольна красива, но красотой грубой, дикарской; особенно притягивали взгляд ее глаза, темные, большие, какой-то нездешний, истинно колдовской огонь мерцал в них.

Подчиняясь мерному ритму бубна, гацанка принялась танцевать. Поначалу медленно, извиваясь к небу одним только телом, будто стебель водорослей под водой; не показывая скрытых под длинными лохмотьями рук и ног, затем – когда бубен стал бить чаще и звонче – она двинулась с места, пошла по кругу. Лохмотья затрепетали, разлетаясь, то обнажая, то вновь скрывая смуглые стройные ноги, руки темными молниями скользнули вверх, принялись рисовать в жарком воздухе диковинные фигуры. Гацанка двигалась все быстрее, легко и грациозно, словно вовсе не касаясь земли, и чудилось зрителям, что руки ее, выходящие змеями над головой, будто и впрямь оставляют в голубой пустоте едва видимые рисунки. Кто-то, переговариваясь, тыча соседа локтем, с изумлением узнавал в невесомых, быстро тающих контурах – лесных птиц, зверьков и цветы.

Звон бубна стал непрерывным, пронзительным, и в то же время явственно читался за этим звоном бешеный барабанный ритм.

– Смотри, смотри! – ахнули в толпе. – Вона!..

Видения, творимые гацанкой, как-то очень быстро и незаметно набрали силу. Синекрылые соловьи, розовогрудые чечевицы, пестрые кедровки – сорвались с ее пальцев, порхнули в небо, покружились немного и растворились, как их не было. Огненные белки, длинно-ухие зайцы, серые мышки прыгнули под ноги людям – те закричали, запрыгали от неожиданности, но и звери исчезли без следа. Ландыши, фиалки, незабудки взлетели над головами зрителей и тут же истаяли.

Бубен звенел и стучал все громче и чаще, гацанка кружилась быстрее. И скоро публика заволновалась снова, когда увидела, что девушка танцует не одна. Две... нет, три... нет, целый хоровод гацанок, ослепительно высверкивая металлическими колечками на смуглых лицах, кружился на пригорке. Пыль и травяные былинки, поднятые их ногами, осыпали головы людей, но те, завороченные, не шевелились, не смахивали даже сор с волос.

Бубен гремел на пределе человеческого слуха, уже не только стук и звон были в его пении – будто бы несколько самых разных инструментов стали поддерживать его. И хоровод невесты откуда взявшихся гацанок кружился уже и вовсе с небывалой скоростью, хоровод слился в единое разноцветное гудящее колесо, похожее на закольцованную радугу, от мелькания цветов которой до боли рябило в глазах. И это уже не было увлекательно или красиво. Это уже было, пожалуй, страшно.

Ни один человек из тех, кто мог это видеть, не в силах был оторвать напряженного взгляда от удивительного зрелища, не в силах был поднять рук, чтобы заткнуть уши, страдающие от все нарастающего музыкального грохота; окружающая действительность напрочь перестала существовать для них. И не удивительно...

Все, что публика видела и слышала, было как-то чересчур... как-то уж очень слишком... Казалось, еще чуть-чуть, еще минута-другая – и происходящее на пригорке совсем выйдет за пределы человеческих чувств и человеческого понимания. Гремящий и сияющий пригорок скрутит пространство черной воронкой, и в ту воронку повалится, ломаясь, комкаясь, треща по швам, весь привычный мир...

И ровно в ту секунду, когда каждый из зрителей до последней ниточки души осознал эту ужасную вещь – все внезапно прекратилось.

С громовым треском ухнул куда-то слепящий хоровод, оставив только кучку дымящихся разноцветных лохмотьев на вершине пригорка. Последний раз слабо звякнул бубен. И наступила тишина.

Ошеломленные люди не сразу зашевелились и заговорили. Горбатый гацан поднялся на пригорок, тряхнул бубном, который, конечно, сразу растворился в воздухе. И заговорил, насмешливо кривя рот:

- Потешил я вас, добрые жители славного Арвендейла?
 - Уж потешил... – басом ответили ему. – Едва не обделались...
 - А я так – почти, – искренне признался кто-то. – В последний момент удержался...
- Эта ремарка окончательно разрядила обстановку. Послышался смех.

Горбун поклонился и сунул в рот свою трубку. Сухая старуха, кряхтя, бормоча что-то под крючковатый нос, принялась обходить публику с мешком в руках. В мешок щедро бросали хлеб, лепешки, куски колбасы, яблоки, груши, арбузные и дынные ломти и даже монетки, серебряные или медные.

Благодушный настрой уже полностью объял толпу, когда вдруг послышался испуганный вопль:

- Ой, братцы, кошелек стащили!..
- И у меня! – взвизгнул еще кто-то.
- Гляньте, карман разрезали!
- Эй, а у меня перстенок пропал!
- Предупреждали вас! Чего от гацанов, кроме подвоха, ждать?..
- Хватай горбача!
- Бей гадов!..

Народ двинулся на пригорок. Старуху смяли, опрокинули, она заверещала, да так истошно, что от нее даже сперва отступились. А горбун, несколько не растерявшись, пыхнул своей трубкой, клацнувшей о кольца, в губах, и возгласил:

– Добрые жители славного Арвендейла! Да вы неужто на нас подумали? Как несчастные гацаны, бродячие артисты, вас ограбить могли, когда мы все время на виду были?

– А девка твоя где?! – в несколько глоток сразу заорали добрые жители славного Арвендейла. – Ты нам мозги не пудри! Куда девка подевалась?

– Только тут была, а сейчас нет!

– Это ж она кошельки тащила, карманы резала, кто ж еще?..

– Где девка?!

– Да вон она! – неожиданно громко гаркнул вдруг горбун, указывая трубкой куда-то за спины взбунтовавшейся публики.

Люди обернулись. И правда, по ту сторону дороги, узкой улочкой между аккуратными домиками неторопливо удалялась юная гацанка, полностью обнаженная, волнующе прекрасная. Ступала она, ослепительная в своей наготе, так грациозно, так поводила смуглыми плечами, так поколыхивала упругим задом, что народ несколько помедлил, прежде чем кинуться ей вслед. Да и кинулись-то одни мужики... Женский пол, вовремя сообразив, что их благовверные, догнав гацанку, вряд ли станут поднимать ее, как было обещано, на вилы, а, скорее, применят к ней другое, более приятное для себя наказание, заволновались пуще прежнего:

– Куда рванули!.. Горбуна держите!

– Сами подумайте, кобели, где она деньги ваши спрятала?.. На ней же ни тряпочки! И руки пустые!..

Кое-кто из преследователей одумался и повернул обратно.

Но ни горбатого гацана, ни сухой старухи на пригорке, конечно же, не оказалось (причем сволочная старая карга умудрилась прихватить с собой мешок с гонораром). Излишне говорить, что и юная гацанка, повернув за первый домик, бесследно исчезла...

Всю эту сцену наблюдал от начала до конца некий господин в маленькой крытой повозке, направлявшийся, как и все, к замку Утренняя Звезда. Господин обладал пышной кучерявой шевелюрой и опрятным носом кнопочкой, был невысок ростом, пухл телом и круглолиц. Люди подобного телосложения обычно румяны, жизнерадостны и говорливы, но этот господин за все немалое время поездки не произнес больше трех слов подряд, и цвет лица имел нездорово-бледный, словно припорошено пылью было его лицо. И вообще – серый пыльный цвет превалировал в его облике. Длинный кафтан господина был серым, серыми были штаны и сапоги, серою была широкополая дорожная шляпа... Даже несколько птичьих перышек, заткнутых за край тульи этой шляпы, были серыми.

Господина звали Фарфат.

Когда гацанское представление закончилось, Фарфат молча толкнул ногой возницу. Тот послушно стронул с места пегую лошадку, и повозка заскрипела колесами по дороге дальше.

– Вот гацане-то, а?! – предпринял возница, верно, не первую уже попытку заговорить со своим пассажиром. – Гнилой народец! Того и гляди, обманут да обворуют. А у них воровать не смей. Кто у гацана украдет, трех дней не проживет! Вот ведь подлость, а? Несправедливость... Мне еще с самого детства маманя говорила: к гацанам даже подходить не смей. Им боги с самого сотворения мира дали свое позволение других людей обманывать. А их самих, гацанов-то, обкрадывать нельзя. Проклянут, два дня промучаешься, на третий помрешь. Сколько таких случаев, рассказывают, было! Потому и говорят у нас в Арвендейле про дело глупое и опасное – как у гацана украсть. Брать-то у них нечего, да еще и помирать за это... Слышите меня, господин? Эх, господин, господин...

Весь день до самого вечера скрипела повозка в людском потоке. И все росла впереди нее громада Драконьей Гряды, и все отчетливей виднелись шпили башен Утренней Звезды, зубчатые кромки могучих стен.

В обширное Предместье замка въехали уже в сумерках. Фарфат велел остановиться – обычным способом, молча толкнув возницу сапогом в спину.

– Чего изволите? – тоскливо осведомился возница.

Уж очень измучил его за поездку этот немногословный тип: ни тебе поговорить, ни остановиться надолго, даже лишней монетки не даст, как принято, чтобы в дороге горло промочить, даже запеть не разрешит! Только затынет возница песню, как пассажир – толк его в спину! Помалкивай, мол... Нудный тип и, главное, непонятный. Кто он? Не торговец, поскольку товаров при нем нет. Не посыльный с каким поручением, поскольку нанял тихоходную повозку, а не резвого скакуна. Не путешествующий ученый, потому что записей никаких не делает и миром за пределами повозки, кажется, вовсе не интересуется. Точно не благородных кровей, но и не простолюдин-мастеровой (ручки у него нежные, нерабочие). И уж, конечно, не воин вольное-копье в поисках нанимателя. Больше всего похож все-таки на торговца, но разве торговцы бывают такими молчунами? Им ведь язык-то – первый инструмент, без хорошо подвешенной говорилки товар не втюхать...

– Чего изволите? – спросил возница.

– Постоялый двор, – коротко ответил Фарфат.

– Да мы ж у него и встали! – удивился возница.

– Не этот. Другой.

– Какой же?.. – попросил объяснений возница, но пассажир его словесно иссяк. Ткнул опять ногой в спину – дескать, поехали. Другой постоялый двор искать.

И они поехали.

В Предместье еще не спали. Шумно было в Предместье за день до великого праздника. Всюду светились окна. По улицам шарахались развеселые компании, над дверьми увеселительных заведений ярко горели масляные лампы, освещавшие вывески – это чтоб те компании спяну ненароком не промахнулись. То и дело проходили патрули стражников, бдительно освещавшие факелами всякий темный закоулок. Возница вздохнул и несильно хлестнул поводьями свою уставшую лошадку.

Колесили по Предместью долго. Возница подрядил одиночного гуляку, который за малую мзду согласился показать путникам все местные постоялые дворы, трактиры, кабаки и таверны. Проехали уж пятое заведение, а молчуну-пассажиру все не нравилось, все гнал дальше. И чего ему только надо, привереде? Остановит возница повозку у очередной вывески, пассажир высунется, внимательнейшим образом исследует эту вывеску, недовольно подожмет губы и снова тычет сапогом в спину – дальше!

Только ближе к утру треклятый молчун наконец нашел, что искал. Кабак «Уснувший Лев». Пыхтя, выволок пассажир из повозки свое пухлое тело, с треском распрямил занемевшую поясницу. Подозрительно глянув на возницу, отвернулся и принялся рыться в кошельке. А пока рылся, возница пялился на заведение – и что такого в этом клоповнике, чего не было в остальных? Кабак как кабак: четыре стены, крыша. Окна опять же... Под дверью безмятежно похрапывает какой-то пьянчуга, лохматая псина деловито мочится ему на буйну голову. Вывеска... Как водится, разрисована всякими незамысловатыми финтифлюшками, в центре которых, само собой, лев, спящий под деревом. На дереве, между прочим, сидит птичка, смешная такая, с крючковатым клювом, большеротая, лупоглазая. Возница даже вспомнил, что это за птичка – козодой называется. Темные деревенские мужики ее так прозвали за то, что она якобы у коз способна молоко высасывать. Бред, ясное дело. Она, эта птичка, конечно, никаких коз не доит, просто крутится рядом с домашним скотом, в месте обиталища которого полным-полно всяких слепней, мух и прочей гадости, что служит кормом для пернатых. Шныряет неприметный серенький хитрый козодой промежду ног у коз и коров, широко разевает большой свой рот, ловя насекомых, а со стороны похоже, будто на вымя скотины покушается...

Фарфат обернулся и протянул вознице две серебряных монеты. Это было ровно столько, на сколько они договаривались в начале поездки. Видимо, разочарование так отчетливо проступило на лице возницы, что господин Фарфат вздохнул, снова отвернулся, сгорбился и, еще минуту покопавшись в кошельке, добавил серебряшку, чем несказанно удивил даримого, рассчитывавшего максимум на пару медных монет чаевых. Даритель же, поколебавшись, дал медную монету и гуляке-проводнику.

Тот щедрости пассажира повозки не оценил. Презрительно цыкнул и отступил в темноту.

«А богато живут в графстве Утренней Звезды! – невнимательно подумал возница. – За то, что просто прогулялся, медяшку отхватил – и недоволен! У нас за медяк такие, как он, цельный день пашут...»

Покончив с благотворительностью, господин Фарфат вошел в кабак «Уснувший Лев», оставив на улице возницу. Который, почувствовав огромное облегчение от того, что сплавил надоевшего зануду, с энтузиазмом откликнулся на предложение гуляки «обмыть дело». И правильно: намучишься с всякой тягомотной кислятиной, наподобие этого молчуна-пассажира, так и хочется хорошенько поддать жару...

Господин Фарфат же, войдя в «Уснувшего Льва», прямым ходом направился к стойке, за которой, озирая гомонящую вялым утренним шумом трапезную, торчал кабатчик, крепкий мужчина в кожаной безрукавке.

– Чего подать? – осведомился кабатчик, цепко оглядывая толстенькую фигурку посетителя. Наткнувшись взглядом на птичьи перья в шляпе, он заинтересованно моргнул, как-то сразу подобралшись.

– Козьего молока, – ответил Фарфат.

Кабатчик кивнул. Такая странная просьба его несколько не удивила. Более того, кажется, именно эту фразу он и предполагал услышать.

– Нету козьего, – сказал он. – Не надоили еще, скотина больно норовистая, не дается.

– Разумный всегда доит сильного, – произнес Фарфат.

И эти слова Фарфата полностью удовлетворили кабатчика. Он кликнул слугу и, оставив его за стойкой, шагнул к низенькой двери, ведущей, видимо, в помещения, куда обычным посетителям ход был закрыт. У самой двери он обернулся и подмигнул господину Фарфату, предлагая ему следовать за собой.

Они оказались в небольшой комнатке, уставленной сундуками и корзинами, на одну из которых кабатчик тут же уселся. Своему посетителю он приглашающе указал на сундук. Фарфат, поместив пухлый зад на сундук, оглядел комнатку. Увидев небольшую полку с книгами на одной из стен, он удивленно и одобрительно приподнял брови.

И начался разговор уже совсем в другом тоне, гораздо более интимном, будто эти двое вдруг выяснили, что они – давние знакомцы. И господин Фарфат внезапно оказался вполне себе словоохотлив, давешний возница, увидев его теперь, очень бы удивился.

– Нечасто к нам залетают гости из самой Империи-то! – говорил кабатчик. – В наше-то захолустье на самом краю мира!.. Давно ждали вас.

– Арвендейл – чудный домен, – вздохнул, не соглашаясь, Фарфат. – А графство Утренней Звезды – его жемчужина. Никогда не видел более благополучного владения.

– Это все благодаря сэру Альве, – сдержанно похвалился кабатчик. – Он правит так, как должно править. Чтобы сытно жилось не только кучке высокородных болванов, но и всем его подданным. Хотя и от подданных требует, чтоб добросовестно трудились и неукоснительно соблюдали законы.

– Граф Альва – достойный правитель, – ответил господин Фарфат, – тем не менее, как и остальные высокородные властители земель Арвендейла, за всем уследить он не в состоянии.

Кабатчик кивнул. Он явно понимал, о чем идет речь.

– Уже четыре гномьих рудника пришли в негодность по причине злого умысла каких-то негодяев, – сказал он. – Восемь эльфийских священных рощ сожжено. Могучие и Высокие волнуются, обвиняют в этих пакостях весь людской род. Как и всегда, впрочем.

– А это здорово вредит нам, – поджал губы Фарфат. – Уже в самой Империи многие из наших, кто ведет дела с Могучими и Высокими, терпят убытки. Отношения людей и истинно Светлых рас изрядно ухудшились... но не до такой степени, правда, чтобы высокородных это начало действительно волновать.

– Разумные всегда видят дальше сильных, – поддакнул кабатчик. – Ситуацию необходимо спасать, пока она окончательно не вышла из-под контроля.

– Поэтому я и здесь.

– Располагайте нами, как вам будет угодно, – проговорил кабатчик. – Пока что в графстве не так много наших, но... мы сделаем все, на что способны. Что вам нужно?

– Встретиться с сэром Акселем, – сказал Фарфат. – Я делегирован для разговора с ним. Он, конечно, из высокородных, но... человек совершенно иной формации, нежели прочая аристократия, большая часть которой – просто скопище ни на что не годных напыщенных недоумков. Ученые – вообще особые люди. А уж маги-ученые... Но, разумеется, о том, чтобы открыться мастеру Акселю, речи не идет. Меня следует представить ему как посланника императорской Гильдии Торговцев.

Кабатчик задумчиво почесал за ухом.

– С одной стороны, вам, конечно, повезло, – медленно выговорил он. – Сэра Акселя нелегко застать в его башне, он почти все свое время проводит в путешествиях; и как раз на днях вернулся. Надо думать, чтобы поздравить брата со вступлением в права владения Утренней Звездой.

– Аксель Сторм – путешествует? – удивился Фарфат. – А мне говорили, он никогда не показывается из своей башни. В графстве... да и в самой Империи вообще почти никто не знает его в лицо. Разве что только в Университете...

– Насколько нам известно, мастер Аксель часто посещает... так называемые места силы и таких же мудрецов-затворников, как и он сам. И вовсе не обязательно, что эти самые места и эти самые мудрецы находятся в пределах Империи. А для путешествий ему не нужны ни кони, ни слуги; одна из его специализаций – магия порталов. Он путешествует, не выходя из своей башни, мастер Аксель... Ну, как я уже говорил: с одной стороны, вам повезло, что именно сейчас мастер Аксель вернулся в графство, а с другой... Он никогда никого не принимает, делая только для родни редкие исключения. Зачем ему предоставлять вам аудиенцию? Непростое дело, непростое...

– Для нас, разумных, нет ничего невозможного, – напомнил Фарфат.

– Это так, конечно... Мы постараемся, – заверил кабатчик.

– Вот и славно, – улыбнулся Фарфат, давая понять, что официальная часть разговора окончена. – Можете посоветовать, где мне остановиться?

– Сейчас с ночлегом трудно, – качнул головой кабатчик. – Народу на дармовое угощение сбегалось – тьма. В постоянных дворах углы сдают по цене комнаты, а уж за комнату ломят, как за целый дом...

Лицо Фарфата вытянулось.

– Для меня было бы честью приютить вас, – добавил кабатчик. – Но мой дом вас, конечно, не устроит – у меня тесно и... не всегда чисто. Зато всегда шумно. Большая семья, знаете ли... Вряд ли вы привыкли к такому. Поэтому будет лучше, если я поищу для вас место поприличней... Вам покои в две комнаты или больше?..

– Нет, нет, не стоит ничего искать! – замахал руками Фарфат. – Представляю себе, какую цену запросят здесь за приличные покои. А я поиздержался в пути. Очень поиздержался, – повторил он со вздохом. – Сколько вы намерены брать за постой?

- Что вы! – воскликнул кабатчик. – С вас я и медяка не возьму!
- Договорились, – быстро согласился господин Фарфат.

Глава 4

Головы оборотней уже успели вывесить на стену у Красных ворот, через которые можно было попасть из Предместья в замок. У оборотней, как известно, в момент смерти активизируется механизм трансформации, поэтому дохлые твари – независимо от того, в каком облике застал их гибельный клинок – всегда выглядят одинаково жутко: наполовину звери, наполовину люди.

У стены быстро собиралась толпа обывателей, одна за другой проклевывались сквозь общий пестрый галдеж отдельные реплики:

– Ну и рожа!.. Не поймешь, где рот, где нос...

– У меня такая же была, когда я с телеги башкой вниз навернулся...

– А зубищи! Глянь! Камни грызть можно! – восхищался кто-то.

– Я бы тофе от таких вубифь не откавалфя, – со вздохом отвечал этому высказыванию чей-то дребезжащий голос. – Перед бабами рот открыть фтыдно...

– Тебе, старый, давно в землю пора, а ты все о бабах мечтаешь!..

– Мефтать, внаете ли, не вредно!

Эвин был, пожалуй, единственным, кто прошел мимо, даже не глянув на пугающие трофеи. Он ступил под свод закрытых ворот, направился к вырезанной в них калитке, как вдруг один из троих скучавших там стражников, опустил к нему острие алебарды:

– Куда прешь? Как к себе домой, право-слово!..

Другие двое стражников, впрочем, тут же встrepенулись и пинками отогнали невежу в сторону:

– Пожалте, ваше сиятельство!.. С возвращеньцем! Поздравляем вас, ваше сиятельство!

Эвин, не нашедши, что сказать, молча кивнул и поспешно прошел во двор Утренней Звезды. Слова стражника чувствительно покорибли его.

«Хотя, что здесь такого? – постарался успокоить он себя. – Я его никогда не видел, неудивительно, что и он меня не знает. И потом... Когда я последний раз был здесь?..»

У Полуночных Егерей было немало забот, Эвину довольно редко выпадал случай посетить родной замок. А последние пару месяцев выдались особенно жаркими. Сначала был обычный караул ближних пределов Тухлой Топи, длящийся по обыкновению две недели. По возвращении Егеря сразу отправились на дальние хутора – в тамошнем Черном болоте снова обнаружили следы уворта. О болотном гнезде этих тварей известно было давно, вот только добраться до него, скрытого в глубине болотной гати, ни для одного человека не представлялось возможным. Оставалось лишь время от времени отслеживать появление очередного зубастого чудища и уничтожать его, пока он не подрос, не набрал полную силу, не успел натворить дел... С увортом провозились целых восемь дней, пока отыскиали, пока устроили ловушку, пока заманили... Да еще и тварь, когда ее добивали, умудрилась последним отчаянным выпадом чиркнуть Мюра по ноге шипастым мощным хвостом. Пришлось задержаться на дальних хуторах, где добрую неделю отпаивали раненого травяными настоями, выгоняя яд из организма.

Вернувшись наконец в казармы, нашли там троих парней – очередных претендентов в рекруты Полуночных Егерей. По старинному обычаю всех троих надобно было отвести в ближние пределы Тухлой Топи для первоначальных традиционных испытаний. В Топь с парнями пошли Крэйг и Эвин – и без толку провозились там почти неделю. Испытаний претенденты пройти не смогли и были отправлены по домам с рекомендацией явиться на следующий год... Если из их юных головешек, конечно, к тому времени не выветрится желание стать Полуночными Егерями...

Только Эвин успел выспаться в казарме, как снова пора было собираться в дорогу: на Кабаньем хуторе появилась стая оборотней...

Красный двор кипел шумной предпраздничной суетой, Эвин, широко шагая, быстро пересек его, попутно подивившись обилию незнакомых лиц. Н-да, действительно, давненько он не появлялся здесь... Впрочем, кое-кто из прислуги, стариков, служивших еще его отцу, приветствовали его и приветствовали с искренним радушием. У входа в замковые покои Эвина снова встретила стража. На этот раз юношу узнали, распахнули перед ним двери:

– С прибытием, ваше сиятельство! – отсалютовал ему алебардой один из стражников, немолодой грузный мужчина с тяжелым квадратным подбородком. – Уж знаем, знаем все! И про Черное болото, и про Кабаны хутора, и про Мартина Ухореза! Утренняя Звезда за вами, Полночными Егерями, как за каменной стеной, благодетели наши!..

– И тебе привет, Малок, – откликнулся Эвин. – Как твоя жена?

Стражник с квадратным подбородком просиял от того, что наследник Утренней Звезды, оказывается, не забыл подробности последнего их разговора, который состоялся аж более чем месяц назад, окинул горделивым взглядом своих товарищей.

– Да что ей сделается-то?! – пожал он плечами. – Похворала, похворала да оклемалась... А сэр Альва с утра тут, никуда не изволил выезжать...

Кивнув, Эвин направился было дальше, но стражник несмело шагнул к нему:

– Прикажете доложить о прибытии, ваше сиятельство?

Эвин остановился. Раньше ему никогда не требовалось доклада, чтобы навестить дядюшку.

– Э-э... Сэр Альва сейчас очень занят... – поспешил пояснить, верно почувствовав неловкость ситуации, стражник. – Сами понимаете, такая неразбериха у нас... Прямо на головах все ходят! Я подобного бардака с самой Кровавой Субботы не видывал, гм... Оно и понятно, такое событие грядет, такое событие! Большой праздник для всех нас! Вы уже слышали: сам герцог Руэри собирается в Утреннюю Звезду! Когда-то он нас последний раз визитом удостаивал! Ого! Потому-то у сэра Альвы и минутки нет свободной, он то тут, то там, в своих покоях не сидит... Ему доложат, и он мигом отыщет время для встречи. И вам не надо будет беспокоиться искать его... Или ждать понапрасну. Так удобнее будет, ваше сиятельство!

– Пожалуй, – ответил Эвин. – Это разумно. Доложи. Передай, я буду у себя, пусть пришлет за мной.

Тут стражник снова замешкался. Будто хотел что-то сказать, но не решился.

– Сделаю, ваше сиятельство, не извольте беспокоиться! – проглотив замешательство, выпалил он.

Юноша поднялся к Галерее Славы, через которую лежал путь в графские покои. Пока он шел туда, лестницы и коридоры постепенно пустели, а в самой Галерее уже не оказалось ни одного человека. Тихо было в Галерее Славы, просторно и прохладно, гомонливая душная предпраздничная сумятица осталась за ее пределами, внизу и позади.

Эвин замедлил шаги, разглядывая висящие по стенам черепа и скелеты разнообразных Темных тварей, истребленных за то время, пока стоит замок. Вперемежку с трофеями висели старинное оружие, гербовые щиты, доспехи – все это когда-то принадлежало славным предкам юноши. Желтые лучи солнечного света, падавшие из высоких и узких окон, рассекали пространство Галереи на множество примерно равных частей; получалось так, что вся экспозиция делилась на смысловые сегменты – каждый из которых содержал вещи кого-то одного из Стормов, а также останки наиболее опасных и редких тварей, что он убил.

Здесь все было до малейшей черточки, до самой крохотной детали знакомо Эвину с самого детства, здесь до сих пор ничего не изменилось. Солнечная щекочущая глаз тишина и терпкий запах древней пыли хранили покой Галереи Славы уже много-много лет.

Сколько часов провел Эвин здесь со своими братьями, Эллианом и Эдгардом! Тогда им не возбранялось снимать со стен оружие – правда, всегда под присмотром воспитателей

– примеривать на себя части доспехов, даже устраивать детские неумелые бои. Хотя, какие там бои... Шатаясь под тяжестью шлемов и щитов, всего-то разок взмахнуть тяжеленными мечами, столкнуть их с громким отчетливым лязгом... Чтобы заметалось под высокими сводами быстро угасающее эхо удара и сразу потонуло в звонком шуме их смеха и топота. Это давние солнечные картины были самыми живыми в памяти детства Эвина.

Юноша рассеянно протянул руку к мечу своего прадеда, Гельма Сторма... Протянул и тут же привычно отдернул.

Когда не стало отца, некоторое время им с братьями было не до игр. А затем дядюшка Альва строго-настрого запретил племянникам трогать древнее оружие, и тому было весьма веское основание.

Сколько же им тогда было, Эвину, Элиану и Эдгарду?.. Кажется, по семь лет. Верно, по семь лет. Значит – уже десять лет прошло с той поры... А он все помнит лица своих братьев, как будто они расстались только вчера. Впрочем, как и забыть их лица? Достаточно лишь взглянуть в зеркало на свое собственное отражение, чтобы ушедшие образы вновь обрели плоть...

Род Стормов, Стальных Орлов, был знаменит еще и тем, что почти каждое поколение давало миру тройню крепких и здоровых мальчиков-близнецов, будущих великих воинов и магов. Адам, Аксель и Альва – были предпоследней тройней. Эвин с братьями – последней. Сам дядюшка Альва сыновей не имел, Сестры-помощницы даровали ему только дочерей, но зато в избытке. У Эвина было уже семь двоюродных сестер. Дядюшка же Аксель, посвятивший жизнь изучению магии, вынужден был хранить свою девственность (всем известно, что любовные упражнения расходуют чересчур много драгоценной для магов маны), поэтому детей не мог иметь в принципе.

Спустя несколько недель после смерти Адама Сторма графство Утренней Звезды посетил герцог Арвендейла, сэр Руэри Грир с малолетним сыном Роном, погодкой Эвину, Элиану и Эдгарду. Пока взрослые пировали в Большом зале, мальчишки, все четверо, оказались предоставлены сами себе – воспитатели и слуги, обязанные следить за ними, рассудили, что в стенах славного замка никакая опасность отпрыскам двух славных родов угрожать не может, и с энтузиазмом предались еде и питью в каком-то случайном коридоре.

А мальчишки, само собой, тут же поднялись в Галерею Славы – куда ж еще!..

Созерцание скелетов чудовищ ненадолго заняло гостя Утренней Звезды, в конце концов, и в его родном замке Золотой Рог подобных трофеев было не меньше. Примерно через четверть часа внимание Рона Грира полностью переключилось на боевое оружие древних Стормов. Тут же было решено устроить самый настоящий турнир, в коем роль коней должны были исполнять забывшие свои обязанности слуги и воспитатели. Впрочем, быстро выяснилось, что те – хоть и без того уже передвигающиеся исключительно на четырех конечностях, – никак в качестве скакунов привлечены быть не могут. Как-то совсем не подобает рыцарским коням в ходе сражения шататься, падать и распевать человеческим языком похабные песни. И тогда было выдвинуто предложение перейти сразу к пешим поединкам. Справедливости ради стоит отметить, что Элиан на правах старшего (возраст его превышал возраст Эдгарда и Эвина на две и три минуты соответственно, и на пару недель – возраст Рона) попытался было напомнить о запрете трогать оружие без присмотра взрослых. Но Рон только топнул ногой и, сдвинув редкие белесые бровки, с истинно герцогской величавостью произнес: «Я разрешаю!» На этом прения оказались завершены. Затем наследник Арвендейла безапелляционно заявил, что намерен победить Стормов одного за другим, поэтому будет сражаться с ними по очереди.

Не будь братья Стормы детьми, они, возможно, имели бы мудрость уступить юному герцогу, постаравшись проиграть бой с ним. Но дальновидность и трезвый разум – не те качества, что присущи семилеткам. По жребию возможность сразиться первым с Роном Гриром выпала Эдгарду.

И Эдгард Сторм, средний сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов, в первом же выпаде поразил Рона Грира мечом своих пращуров, одним ударом завершив едва начавшуюся череду поединков. Меч, не точенный уже несколько десятилетий, хватил Рона по правой руке – рана оказалась неглубока и совсем не страшна на вид, но юный герцог почему-то поднял жуткий крик, на который сбежались все, кто мог тот крик слышать.

Скандал вышел невероятный.

Перепуганных братьев тут же заперли по комнатам, замкнув двери мощнейшими заклинаниями да еще и приставив к покоем стражу из герцогских гвардейцев. Как выяснилось позже, Эдгард неосторожным своим ударом умудрился серьезно повредить локтевой сустав юного Грира, вследствие чего ни один из лучших врачей и лучших магов Арвендейла не осмелился дать полной гарантии, что правая рука Рона когда-нибудь вновь обретет прежнюю подвижность. Сэр Руэри был в бешенстве, и дело могло обернуться для Эдгарда совсем плохо, но – слава Сестрам-помощницам – дядюшка Альва сумел кое-как уладить последствия глупого детского поединка. Дядюшке Альве удалось направить гнев герцога на воспитателей и слуг, оставивших мальчишек без присмотра – они, воспитатели и слуги, жестоко поплатились за свою беспечность. Четырнадцать человек: два воспитателя, шестеро слуг и еще шестеро их ни в чем не повинных собутыльников – были повешены на следующий же день после происшествия. Неслабо досталось и Эдгарду. Его, правда, и пальцем никто не тронул, но высочайшим указом сэра Руэри, владельца и властителя великого Арвендейла, ему под страхом казни было запрещено брать в руки какое-либо боевое оружие – от момента прочтения указа и до самой смерти. Если уж Рону никогда не стать великим воином, то и виновнику его увечья нипочем не видать ратной славы – так рассудил герцог Руэри Грир.

Вот после этого события дядюшка Альва велел Эвину и Элиану даже и в мыслях не прилагиваться к родовым мечам и доспехам, развешанным по стенам Галереи Славы.

А спустя пару месяцев Эдгард Сторм бесследно исчез. После долгих и безуспешных поисков в его исчезновении обвинили табор гацан, в то же время веселивших своими представлениями обывателей Предместья замка Утренняя Звезда. Прямых доказательств похищения гацанами среднего сына Адама Сторма не обнаружилось, зато нашлось несколько косвенных. Ну, во-первых, все знают: от гацан добра ждать не приходится. Не зря же народ говорит: рядом гацан – держись за карман. Во-вторых, издавна ходили слухи о том, что гацане нет-нет да и воруют детей, чтобы путем изуверских операций делать из них уродцев на потеху публике. А в-третьих, доподлинно было известно, что Эдгард крутился в толпе обывателей, внимающих гацанскому представлению, и что табор пропал из Предместья именно в тот день, когда пропал и сам Эдгард.

Как бы то ни было, ни самого мальчишку, ни подозреваемый в его похищении табор больше никто никогда не видел...

А немного погодя сгинул и старший из сыновей Сторма – Элиан. Впрочем, тогда Эвин уже был услан в Красный лес и о пропаже брата узнал спустя только два с половиной года...

Эвин прошел Галерею Славы насквозь, ступил на широкую лестницу, ведущую к графским покоям. Он поднялся на пятую ступень – и тотчас вернулся в реальность из мира воспоминаний.

Как и всегда – на пятой ступени – его на мгновение притормозила невидимая преграда. Неприятный короткий звон щелкнул в его мозгу, заставив поморщиться. Эвин мотнул головой, как бы освобождаясь от незримой паутины, и продолжил путь. Но уже через несколько шагов остановился в задумчивости.

Защитные заклинания в покоях аристократов – вещь вполне обычная. Члены семей, кому принадлежат покои, а также те из слуг и придворных, кому полагаются разрешающие амулеты, пройдут магический барьер, едва заметив его. А вот незваных гостей барьер не пропустит – в

лучшем случае. В худшем: парализует или покалечит. А в самом худшем – убьет на месте, это смотря по тому, как настроено заклинание.

Ничего удивительного не было в том, что юноша почувствовал барьер, так бывало всякий раз, когда он пересекал его. Но вот это новое, неприятное, хоть и мимолетное ощущение в голове... Что это было? Графские маги усилили барьер в преддверии праздника?.. Чтобы максимально обезопасить своего господина от... Кого? Кто в графстве мог бы желать зла сэру Альве?

«Странно, – размышлял Эвин, снова тронувшись с места. – Дядюшка Альва принадлежит к тому типу людей, кто предпочитает вовсе не иметь врагов; кто считает за лучшее договориться, а не враждовать. Кого же он тогда опасается?.. Кого, вернее, может опасаться?..»

Возможный ответ на этот вопрос несмело шевельнулся в его сознании, но Эвин предпочел немедленно задавить его, не дав в полной мере сформироваться – глупости какие, даже и думать о таком постыдно...

Добравшись до первой развилки, юноша свернул налево, в собственные покои. Вот она, с самого детства знакомая дверь, на которой красуется...

Нет, уже не красуется.

Эвин остановился. Дверь в покои, его покои, была чиста. Впрочем, как чиста... Вернее, пуста. И ясно бледнел на темной древесине след недавно снятого родового герба Стормов, выбитого в металле герба Стормов: раскинувшего крылья Стального Орла, с гордо вскинутой головой, угрожающе раскрытым клювом, хищно поджатыми когтями на лапах... Присмотревшись, юноша осознал и еще кое-что – дверь, которая должна быть заперта заклинанием, снимающимся прикосновением его руки, была чуть-чуть приоткрыта. У Эвина похолодело лицо.

Он вошел в комнату.

И не узнал ее.

Здесь все изменилось. Кровать была застлана другими, отвратительно розовыми покрывалами, над кроватью появился балдахин. На окнах пошевеливались кисейные занавески, тоже розовые – что за мерзкий цвет! Стол отодвинули от окна на середину комнаты и водрузили на него большое трехстворчатое зеркало. У стены появился громадный платяной шкаф, на полу – ковер из лисьих и кроличьих шкурок, и на этом ковре тут и там были расставлены низкие стульчики с мягкими подушками, маленькие креслица, цветные ширмочки... Комната стала тесной и раздражающе неприятной до физического ощущения зуда на коже. Было ясно: комната, в которой вырос Эвин, больше не принадлежала ему. Вряд ли ее приготовили для кого-то из гостей – на столике рядом с зеркалом выстроился ряд флакончиков с благовониями, в приоткрытую дверь шкафа были видны складки одежды, значит, тот, кого сюда поселили, предполагал прожить здесь довольно долгое время и уже распорядился перенести личные вещи. Вернее – та, не тот, обстановка же явно женская... Одна из дочерей дядюшки Альвы? Нет, у них в замке Утренняя Звезда есть свои покои, совсем не такие скромные, как эти. Скорее всего, комната приготовлена для какой-нибудь из фрейлин сестер Эвина, не зря же сняли герб Стормов, теперь на его место укрепят герб менее именитого рода, к которому и принадлежит фрейлина...

Эвин усмехнулся, с трудом отгоняя обиду. Что-то подобное он и начал подозревать, отметив, как засмутился стражник Малок, когда речь зашла о покоях юноши. Что ж, Утренняя Звезда уже завтра перестанет быть его домом, глупо досадовать, что дядюшка несколько поспешил с наведением новых порядков. Тем более что – все знают – в своих покоях Эвин появлялся нечасто. Уже давно, с того времени, как пропал его брат Эдгард...

Исчезновение Эдгарда болезненно ошеломило его братьев, Эвина и Элиана: известно же, что близнецы остро чувствуют беду друг друга. И если старший, Элиан, всего лишь замкнулся в себе, стал хмур, неразговорчив и раздражителен, то младший, Эвин, и вовсе слег в постель.

Повзрослев, он почему-то часто вспоминал то время, странное чувство отрешенной слабости, сковывавшее тело и разум; когда весь окружающий мир для тебя становится глухим, мутным и вязким, как старый кисель. Настойки и микстуры, которыми потчевал мальчика придворный лекарь, никакого эффекта не давали, тогда обеспокоенный состоянием племянника дядюшка Альва решил прибегнуть к помощи магии. Сэра Акселя на тот момент не было в графстве, поэтому за дело взялся придворный маг, старый Сеок. Осмотрев Эвина, Сеок подтвердил диагностированную лекарем душевную хандру и посоветовал в качестве лечения живительный воздух дубового леса, но не простого, а такого, где произрастают дубы особой редкой породы – красные. Двух месяцев жизни в лесу, сказал Сеок, должно хватить, чтобы здоровье Эвина пришло в норму.

Единственный лес в графстве, где росли красnodубы, располагался в двух днях конной езды на юг от замка Утренняя Звезда и назывался, соответственно, Красный лес. Туда-то дядюшка Альва и отправил безразличного ко всему происходящему Эвина, отрядив в провожатые племяннику одного из своих вольнонаемных слуг, румяного и веселого парня Сима.

По прибытии в хутор близ леса красnodубов Эвин несколько оклемался – видимо, поездка в тележке под открытым вольным небом пошла ему на пользу. А может, так поразил его вид Красного леса – будто гигантской багровой подушкой укрывший горизонт. А вот с Симом приключилась неожиданная и досадная неприятность. Ключнув за приезд с гостеприимным хозяином хутора, где они остановились, Сим ночью вышел до ветру во двор, перепутав дверь с окном, в результате чего сломал ногу. Так вот и получилось, что лечение Эвина оказалось под угрозой – не отпустишь же мальчишку одного в дикий лес на целых два месяца. Хуторяне помочь тоже ничем не могли, даже за солидную мзду: как бросишь хозяйство на такой долгий срок? И неизвестно, как повернулись бы события дальше, если б в то суматошное утро не заглянул на хутор высокий старик в одежде из звериных шкур, в громадной косматой шапке на голове, с луком за спиной. Увидев старика, хозяин хутора просиял:

– Дедушка пришел! Я и забыл, что посылал за ним. У меня корова захворала, а он у тутошних крестьян испокон веку за лекаря – и скотину пользует, и людей! Вот кому его сиятельство доверить можно! И лекарь, и человек достойный, никто от него никогда зла не видел!

– Что за дедушка? – живо заинтересовался лежащий на лавке с ногой в лубке Сим. – Чей дедушка?

– Не дедушка, а – Дедушка, – со значением поправил хозяин. – Ничей то есть. Сам по себе.

– Да кто он такой-то?

Этот вопрос вдруг поставил хуторянина в тупик.

– Как это, кто такой? – пробормотал он, почесав в задумчивости нос. – Дедушка – он и есть Дедушка. В лесу живет. Лес потому так и называется – Дедушкин.

– Дак вроде же лес – Красный? – попытался заспорить Сим.

– Это по-вашему Красный, – парировал хозяин хутора. – А по-нашему, по-местному, – Дедушкин. Дедушка там обитает... даже и не скажу сколько. Мой отец его знал, отец отца его знал. Он всегда в лесу жил, Дедушка-то. Только вот... – озабочился хуторянин. – Он, может, его сиятельством-то, тоже себя обременять не захочет. Денег посулить? Ему не нужны деньги, он за свое лекарское ремесло платы сроду не брал.

– Ну вы тут вообще обнаглели! – повысил голос Сим – не то чтобы рассердился, он был парнем незлобивым, а просто для порядка. – Наследника Утренней Звезды им навяливаю, а они отбрыкиваются! Это ж не щенок безродный, а – виконт! Сын сэра Адама Сторма! Племянник нашего господина сэра Альвы! Вот пожалуюсь, вас тут живо к ногтю!..

– Ты погоди, погоди!.. – тем не менее взволновался хуторянин. – Разберемся. Сейчас Дедушка из коровника воротится, поговорим...

Старик вернулся скоро. Хозяин засуетился угощать гостя, но с угощением ничего не вышло: вечерним застольем подмели все нехитрые запасы. Остался только кусок лепешки. Выслушав просьбу, старик нахмурился. Эвин с испугом смотрел на его лицо, морщинистое, будто кора древнего дерева, темное, на котором неожиданно чисто светились совсем не стари-ковские ясно-зеленые глаза. Старик поначалу ему совершенно не понравился. Особенно, когда вдруг наклонился к мальчику, взял его за подбородок узловатыми, твердыми, будто деревянными, пальцами, заглянул в лицо.

И что-то такое, верно, разглядел Дедушка в Эвине, что морщины его несколько разгладились, а глаза засветились не пристально-остро, а спокойно, каким-то истинно лесным зеленым цветом...

– Не побрезгуй, юный господин, – проговорил старик мягким и влажным, будто мох, голосом, – помилуй голодного, накорми. Мне и немного надо, только пару кусков лепешки...

Эвин огляделся. Один кусок лежал на столе, и был тот кусок единственным в доме. Где второй-то взять?

– Дак нету больше, Дедушка, – тихо выговорил озадаченный хозяин. – Только один вот... Было б, разве не дали? Да ты подожди, мы на соседний хутор пошлем, накупим всего вдосталь, деньги-то есть.

Но старик не смотрел на хозяина, старик смотрел на мальчика.

Эвин взял кусок лепешки со стола, повертел в руках... И вдруг его осенило. Он разломил этот кусок пополам и протянул Дедушке.

– Молодец! – рассмеялся тот и поправил свою огромную косматую шапку. – Будет из тебя толк, юный господин!

– Вот и ладно! – обрадовался Сим. – Вот и хорошо! Вот и отправляйтесь с э-э... с Дедушкой! Куда ж деваться, коли так вышло, нечистый дух меня попутал, и не могу я теперь вас дальше сопровождать? А веление сэра Альвы твердое было: если сказал два месяца в Красном лесу пожить, знать, надо выполнять. Он господин ваш и дядюшка! А как поправлюсь я, так вас и заберу. Тем более что в лесу жить интере-есно! Там, небось, эльфов видимо-невидимо! Видали хоть раз, как они ночами на лунных лучах танцуют?.. Я так раз видал. О, такое не забывается...

И подмигнул Дедушке, наверное, чтобы тот поддержал его. Но Дедушка не поддержал.

– В нашем лесу эльфов нет, – просто сказал старик. – Они не во всяком лесу живут, им особые деревья нужны, которые им силу дают. А наш лес обыкновенный, человеческий да звериный.

Такая бесхитростная откровенность неожиданно подкупила Эвина. Старик вдруг сразу перестал быть страшным. А вот интересным – нет, не перестал.

– Ладно уж, – сказал мальчик ему. – Пойду с тобой... Далеко твой дом?

– Врать не буду, юный господин, далеко, – ответил старик. – Пойдем.

И они пошли.

Когда тебе семь лет, все вокруг кажется огромным. Но Красный лес, верно, и вправду был необъятным – старик и мальчик шли уже второй день, а ему конца и краю видно не было. Под сенью красnodубов Эвину действительно стало намного легче: на душе посветлело, и слабость почти совершенно ушла из тела. Вот только нескончаемая прогулка в конце концов стала надоедать. Все вокруг одно и то же, все скучно: деревья, деревья, деревья... кусты и трава, и снова деревья; стрекот назойливо лезущих в глаза и нос насекомых, птичий писк; когда ветерок дохнет, когда солнце выглянет в просвет ветвей – вот и все разнообразие. И все припасы, купленные в дорогу заботливым Симом, съедены, и все досужие разговоры переговорены (к тому же не очень-то и поговоришь на ходу). Да и вообще, для семилетки, только что оправившегося от болезни, пеший лесной поход, что и сказать, штука тяжелая. И хоть Дедушка через каждые

два-три часа устраивал короткие привалы, к концу второго дня Эвин все равно едва держался на ногах. Больше всего ему хотелось бухнуться под какое-нибудь случайное дерево, свернуться калачиком и уснуть на неделю-другую. Только упрямство и дворянская гордость не позволяли ему сделать это. Почему это какой-то безродный старикашка может идти без усталости, а он нет?

Но упрямство упрямством, гордость гордостью, а тот факт, что ты на этом свете даже и десятка лет не прожил, никуда не денешь. И Эвин поступил так, как на его месте поступил бы любой ребенок его возраста: принялся ныть, всячески показывая, что ему трудно.

– Далеко еще твой дом? – канючил Эвин.

– Отсюда не видать, – отвечал Дедушка.

– Ночевать опять на земле? Без перины и подушки?

– Добрая усталость, юный господин, лучшая перина и лучшая подушка...

– Да холодно же!

– Холод не жара, перетерпеть можно.

– А что мы сегодня будем есть? Что будем пить? Я пить хочу, у меня во рту пересохло!..

На это Дедушка промолчал. Эвин шел за ним следом, спотыкаясь, со злостью глядел на мерно покачивающуюся его спину, думая о том, что неплохо было бы взять желудь побольше да запустить в противного старикашку. Прямо в башку, чтоб слетела с нее эта несуразно большая косматая шапка!

– Да стой ты, старый хрыч! – наконец не выдержал мальчик. – Стой, когда с тобой его сиятельство виконт Эвин Сторм разговаривает!

Дедушка остановился. Не спеша обернулся. Ни раздражения не было на его морщинистом лице, ни досады, ни страха, ни подобострастия. Только терпеливым вниманием светились зеленые глаза.

– Что мы будем есть, я тебя спрашиваю?! Что пить?! Где ночевать? На земле, да?

– Вокруг полно еды и питья, юный господин, – ответил старик. – И жаркое, и гарнир, и десерт отыщутся. И теплое одеяло. И крыша.

– Да где это все?

– Приглядишься, юный господин. Прислушайся.

Сказал так Дедушка, повернулся и пошел дальше. И Эвин тронулся за ним, недоумевая: к чему приглядываться, к чему прислушиваться? Все то же самое вокруг, что и минуту назад, что час назад, что день назад.

– Не видишь? Не слышишь?

– Не вижу и не слышу!

– Если я покажу тебе все это, юный господин, не поленишься собрать, с собой взять?

– Да было б что собирать!

Через несколько шагов старик снял со спины лук и почти сразу же пустил стрелу – куда-то в густые кусты, словно наугад. И произнес:

– Вот и жаркое...

Так это было сказано убедительно, что мальчик тут же полез в кусты, куда улетела стрела, словно ожидая найти там самый настоящий шкворчащий обугленным жирком кусок мяса на серебряной тарелке. Никакой тарелки он там, конечно, не нашел, зато обнаружил крупного зайца, пронзенного стрелой. Только выбрался из кустов, как Дедушка, обернулся к Эвину и сказал, ткнув луком в какие-то стебли, торчащие неподалеку:

– Вот и гарнир...

Эвин подошел к стеблям, оторвал остроконечный листок, пожевал – горько! – и выплюнул. Дедушка не ждал мальчика, фигура его почти уже скрылась за красными мощными стволами. Эвин, торопясь, дернул стебель – и он легко вылез целиком, обнаружив толстый белый корень.

– Набери охапку, – донесся до него голос старика. – И вот еще...

К ногам мальчика упал пустой кожаный бурдюк на перевязи. Сопя от обиды, Эвин принялся дергать стебли (куда деваться, сам согласился, а слово назад не возьмешь) и вдруг под ногой у него мокро чавкнуло. Оказалось, что под слоем прошлогодней листвы бежал тоненький бесшумный ручеек, не видный ни с какой стороны. Эвин с жадностью припал к воде.

Когда он напился, наполнил бурдюк, повесил его за спину и собрал в руки все находки, старика уже и след простыл. Мальчик побежал наугад, выкрикивая:

– Дедушка! Дедушка!.. – и вдруг заметил, как между деревьями колыхнулось что-то большое, темное, мохнатое...

Он ринулся туда, подгоняемый шлепающим по спине бурдюком. Врезался в кусты, ломая ветви, продрался сквозь них... И оторопел. Прямо на него смотрел огненными злыми глазками громадный медведь, уже поднявшийся на задние лапы.

Медведь двинулся к Эвину.

Мальчик даже не смог попятиться. Единственное, что у него получилось сделать, – это закрыть глаза. Лицо его опалила жаркая вонь из разинутой пасти зверя, уши наглухо запечатал сиплый звериный рык, по щекам ударила воздушная оплеуха (медведь, видно, замахнулся лапищей для единственного смертельного удара).

И вдруг рык освободил уши мальчика – стало очень тихо. Эвин открыл глаза и увидел, как чудовище заваливается набок, бессильно скашивая потухающие глазки на оперенье торчащей из уха стрелы.

От удара гигантской туши дрогнула земля, с высоких ветвей сорвались и закружились, падая, несколько красных дубовых листочков...

Откуда-то из-за деревьев вышагнул Дедушка. Старик посмеиваясь, стряхнул с косматой шапки пару застрявших в ее космах листьев, убрал лук за спину.

– Весело тебе пугать меня?! – трясущимися губами выговорил Эвин, пытаясь за раздражением скрыть все еще бултыхавший его внутренности страх. – Весело, да? Не мог раньше выстрелить? Вот я дядюшке скажу, он тебя!.. Он тебе!.. Высечет! В железо закует! Попомнишь это!..

– Мог и раньше выстрелить, – покладисто согласился Дедушка. – Только тогда зверь на тебя бы рухнул и раздавил. А когда он лапу-то поднял, он баланс равновесия изменил. Ну, будет ругаться. Ты ведь есть хотел, юный господин? Разводи костер, ужинать станем. Вот здесь разводи, – старик указал под большущий дуб, на открытое место между извивами могучих корней.

– Почему здесь?

– Ты, кажется, десерта желал...

Мальчик, поколебавшись, отправился за хворостом, не стал пытаться старика насчет того, как может быть связано его желание десерта и надобность устроить костер именно там, где указано. Все равно Дедушка, как обычно, прямо не ответит, скажет какую-нибудь непонятность, которая разъяснится потом.

Пока Эвин возился с топливом, старик успел освежевать и выпотрошить зайца, выкопать под дубом ямку, положить туда тушку, закрыть ее куском дерна со мхом. На закопанной ямке развели костер, а, когда он разгорелся, старик подкинул в огонь какие-то ветви, отчего над пламенем поднялся черный горький дым, заставивший мальчика резво отпрыгнуть в сторону, чтобы не задохнуться.

Впрочем, гадкая удушливая чернота скоро иссякла, дым стал обыкновенным. Эвин вернулся к костру, под руководством старика, занятого свежеванием медведя, поставил на огонь котел с водой, почистил и свалил в закипающую воду коренья.

Когда коренья сварились, старик ловко отодвинул костер подальше от дерева и выкопал зайца...

Мясо, запеченное в собственном соку, оказалось изумительно вкусным, как, впрочем, и каша из разваренных кореньев. Насытившись, Эвин повеселел. Жизнь в лесу теперь казалась ему вполне сносной, а Дедушка – весьма милым. Он даже мысленно простил его за все доставленные ранее неудобства и решил, когда вернется в Утреннюю Звезду, не просить дядюшку Альву его наказывать.

– Как все просто и быстро получилось! – сказал мальчик, желая сделать старику приятно. – Еще полтора часа назад у нас ничего не было, а теперь... Научишь меня так?

– Дело нехитрое, – ответил Дедушка. Он растягивал снятую и уже выскобленную медвежью шкуру на нижних ветвях дуба, так чтобы она образовывала уютную и вместительную палатку. – Я, конечно, не наугад пустил первую стрелу. Я услышал, как птицы забеспокоились – они ведь всегда по-разному голоса: у них на каждый случай особая песенка: вот и напели они мне, что рядом зверек появился, а уж точное местоположение заяц и сам выдал, зашуршав кустарником. Ничего сложного?

– Ничего, – согласился Эвин. Теперь старик говорил просто, безо всяких загадок, речь его ложилась на понимание легко и ладно. Мальчик уже успел заметить, что Дедушка всегда поступает так, когда надобно что-нибудь объяснить. А загадки – это для того, чтобы он, мальчик, заинтересовался, сам подумал, сам попробовал догадаться, что к чему...

– А растение со съедобными корнями называется копьелист, оно всегда растет у проточной воды, тут уж не ошибешься... Да и отличить копьелист несложно, он по виду и впрямь на копье похож... Ну как, поел?

– Лопну сейчас, – выдохнул Эвин.

– А как насчет десерта?

Насчет десерта мальчик был не прочь. Он даже приподнялся, ищуще покрутил головой вокруг, заранее готовясь удивиться тому, как старик при помощи какого-нибудь нового фокуса сейчас явит ему... что? Какое такое лакомство может быть в лесу?

– Видишь дупло? – Дедушка кивнул вверх, на дерево, под которым они расположились. – Во-он, за теми ветвями... Ага? Полежай-ка туда, юный господин...

– Дикий мед! – догадался Эвин. Вскрабкался на одну из нижних веток и вдруг остановился. – А как же пчелы?..

– Спихватился! Их уж нет давно. Пчелы черного дыма особенно не выносят, их от него прямо как ветром сдувает... Да ты, видать, так ни одной пчелы и не приметил? И жужжания не слышал?

– Да как заметишь-то? – ответил мальчик с ветки. – Как услышишь? В лесу постоянно кто-то жужжит, стрекочет, звенит и пищит. Каждая козявка по-своему. Где уж тут разобраться в таких мелочах?

– Медведь и тот разбирается, – качнул косматой шапкой старик. – Думаешь, он здесь случайно оказался? Тоже медку собирался поесть, на пчелиное жужжание вышел. Да не пришлось... В мире вокруг нет мелочей, – внушительно проговорил Дедушка. – Потому что каждая мелочь свое значение имеет, каждая мелочь исключительно важна. Это крепко запомни. Когда научишься по малому определять большое, тогда тебе и мастерство станет под силу.

– Какое мастерство? – дотягиваясь уже до дупла, поинтересовался Эвин.

– А любое. Охотничье ли, воинское, ремесленное... Все равно. Все от одних истоков идет.

Через час Эвин уже задремывал у неярко потрескивавшего уютного костра, укрытый спускавшимся сверху пологом медвежьей шкуры. Губы его слипались от меда, глаза – от сладкой сытой усталости. В этот момент, впервые с тех пор, как оказался в лесу, Эвин полностью ощущал себя в спокойной безопасности. И не хотелось ему больше домой. И вообще никуда не хотелось. Не поднимая головы, он спросил у старика, который, негромко напевая, разделявал медвежью тушу:

– Мы здесь заночуем, да?

– Ну само собой.

– Вот хорошо... А долго еще до твоего дома идти?

– А мы уже пришли, – сказал Дедушка. – Ты разве не чувствуешь?

Прислушавшись к себе, Эвин внутренне согласился со стариком. Нет, он, конечно, думал, что у того нормальный такой обычный дом, со стенами, окнами, дверью и прочим... Но ведь – тут же пришло ему в голову – дом не только стены и дверь, это не главное. Дом – это прежде всего ощущение защищенности.

– Здесь твой дом? – тем не менее, на всякий случай спросил Эвин.

– Здесь или там, – пожал плечами старик. – Какая разница? Человеку везде дом. Потому что он где угодно может найти и пищу, и воду, и приют, в любом месте. Если умеет искать.

– А почему ты тогда в этом лесу живешь, а не где-то еще? Не с людьми, например? Почему здесь твое место?

Этот вопрос словно бы еще больше состарил древнее лицо Дедушки. Он ничего на него не ответил.

В коридоре слышались приближающиеся шаги, и этот звук прервал разгоняющийся поток воспоминаний. «Трое мужчин, – механически отметил юноша, поворачиваясь от окна к двери, которую оставил незакрытой, чтобы хоть как-то разбавить душную тесноту комнаты. – Двое крупных, шагающих в ногу, чеканящих шаг – совершенно определенно, стражники. Третий – полегче, идущий походкой деловито-спешащей...»

Дядюшка Альва!

Граф сэр Альва Сторм был высок и вследствие привычки держать подбородок постоянно вздернутым казался еще выше. Его светлые, как и у всех в роду Стальных Орлов, волосы, были стянуты пониже затылка в длинную косу, борода острым клином торчала вперед, а голубые глаза смотрели пронзительно и остро. Легкий стального цвета плащ с меховым воротником взметнулся крылом, когда граф порывисто влетел в комнату, золоченый панцирь блеснул под плащом... Горячая волна омыла сердце Эвина – так случалось всегда, при всякой встрече с дядюшкой, все-таки Альва и Адам Стормы являлись близнецами; и пусть сэр Адам, прославленный воин, всю жизнь проводивший в битвах, сложением был все-таки покряжистей и повадки имел несколько другие – его образ в сознании Эвина давно и прочно слился с образом дядюшки. И вспоминая отца, юноша неизменно представлял себе сэра Альву и не в силах был эти два образа разделить.

– Прости за неразбериху в замке, – быстро проговорил Альва, протягивая племяннику руку для поцелуя. – И за это... – он с неудовольствием окинул взглядом преобразившуюся комнату. – Девчонки! Я недоглядел, а они рады стараться. Сам знаешь, Сестры-помощницы щедро одарили меня ими... И у каждой по дюжине фрейлин, соревнуются между собой, у кого больше. Развели бабский штат, дохнуть негде, весь замок заволокли...

Один из стражников подвинул графу кресло от стола и, повинувшись небрежному жесту, удалился со своим товарищем за дверь.

– Впрочем, – добавил сэр Альва, – можешь оставаться здесь сколько твоей душе угодно. Это твоя комната, была и останется.

– Не беспокойся, – отмахнулся Эвин, испытав облегчение при мысли о том, что его комната отдана одной из сонма сестринских фрейлин не по указу дядюшки. – Я все равно редко появляюсь здесь.

В знак одобрения Альва двинул вверх-вниз светлыми бровями.

– Тем не менее, – сказал он, – надо же тебе где-то остановиться. Не присылать же мне портных в казармы Егерей...

– Портных?

– Завтра у нас с тобой большой день, – напомнил Альва. – Ты ведь не намерен прийти на празднование в этом тряпье? А из той своей одежды, в которой подобает появляться на торжественных мероприятиях, ты уже давно вырос.

Эвин пожал плечами. Меньше всего он задумывался последнее время о собственном внешнем виде на грядущем празднике.

– Кстати, о торжественном мероприятии... – заговорил он.

Взгляд графа, испытующий, несколько даже настороженный, не отпускал его с самого начала разговора; и это не могло ускользнуть от внимания юноши. Альва не дал племяннику договорить. Он прервал его, выставив вперед в преграждающем жесте ладонь:

– Прежде чем ты начнешь, позволь сказать мне, Эвин. То, что ты задумал, – глупость. Большая и опасная глупость.

– Ты все знаешь... – выдохнул Эвин.

– Конечно, я все знаю, – пожал плечами Альва. – Хороший правитель всегда знает все о том, что творится в его владениях... И я с нетерпением ждал тебя, чтобы поговорить... Без лишней огласки.

– Потому и не дал приказ страже сопроводить меня сразу к тебе, – кивнул Эвин, в голове которого тут же высверкнула отгадка того непривычного ощущения, поразившего его на лестнице в графские покои. – И магический барьер вокруг графских покоев подкорректировал так, чтобы знать, когда я пересеку его.

Сэр Альва усмехнулся:

– Ничего от тебя не скроешь. Хотя я ничего и не собирался скрывать. Всегда разумнее играть в открытую – с теми, кто тебя достоин, я имею в виду, конечно...

– Гаг! – невольно вырвалось у Эвина. Это коротенькое внезапное слово вмиг осушило его гортань и рот, да так чувствительно, что юноша не удержался от того, чтобы не закашляться.

– Гаг?... – удивился Альва. – Кто это?... Ах да, один из Полночных Егерей. Я слышал, он погиб в битве с разбойниками. А почему ты упомянул его имя?

– Ты... – пробормотал Эвин, – не знаешь?

– Хороший правитель всегда знает все о том, что творится в его владениях, – повторил сэр Альва. – Так говорят. Но действительно всего знать невозможно. Что произошло с твоим Гагом?

Выслушав рассказ юноши, граф надолго задумался, положив ладонь на лицо.

– Командор Крэйг не докладывал мне об этом... – проговорил он наконец. – Ты, Эвин, понимаешь, что значит то происшествие в трактире?

– Меня хотят убить, – пожав плечами, подтвердил очевидное юноша.

– Тебя хотят убить! Единственного наследника Утренней Звезды – хотят убить! И кто стоит за этим?

– Не знаю, дядюшка...

– Не знаешь... – сэр Альва вдруг прищурился на племянника и опять игранул бровями, но уже, конечно, не одобрение было в этом мимолетном движении, а неожиданно прорезавшиеся укоризна и обида. – Но подозреваешь меня! Хорошего ты мнения о своем дяде! Ты что же, Эвин, считаешь, что это я велел ему напасть на тебя?

– Конечно, нет! – искренне ответил юноша. – Конечно, я не подозреваю!

– Тогда почему ты вдруг назвал мне его имя? В ответ на мои слова о доверии? Это прозвучало м-м... как обвинение.

Эвин смешался:

– Н-не знаю. Но это не обвинение, ни в коем случае не обвинение! Я... Тот случай мучает меня, я постоянно думаю о нем, и вот оно как-то само собой... вылетело, это имя.

Альва несколько секунд молчал, изучая лицо Эвина.

– В конце концов это просто нелогично! – заторопился юноша. – Зачем тебе желать зла мне – твоему племяннику и наследнику?

– Ни в коем случае не обвинение... – медленно повторил лорд замка Утренняя Звезда. – Что ж... Иногда мы даже сами себе боимся признаться в своих подозрениях. Лучше, если между нами не будет недомолвок.

Он сел ровнее, поднял на уровень лица правую руку ладонью вверх.

– Не надо! – воскликнул юноша, догадавшись, что намеревается сделать дядя. – Правда, не надо!

Альва не ответил ему. Сосредоточенно нахмурившись, он тщательно выговорил формулу Белого Пламени. На его ладони вспыхнул огонек: бесцветный, но вовсе не прозрачный. Точно оживший цветок из матового стекла.

– Пусть Белое Пламя сожжет мне душу и сердце, если я солгу, – громко сказал сэр Альва.

Огненный цветок на его ладони на мгновение заметно качнулся, точно отозвался на эти слова, – и снова стал гореть ровно.

– Я никогда не отдавал Полуночному Егерю Гагу распоряжений насчет тебя, Эвин, – отчетливо произнес Альва. – И никто другой по моему приказу никогда не отдавал ему никаких распоряжений насчет тебя.

Белое Пламя полыхнуло ярче...

И растаяло.

Сэр Альва опустил руку. Выдохнул и стер с лица капли пота – заклинание Белого Пламени являлось формой прямого обращения к Сестрам-помощницам и требовало изрядного количества маны.

– Не стоило... – пристыженно пробормотал Эвин. Он чувствовал, как щеки его горели. А ведь и на самом деле – хоть на секунду, но он допустил мысль о том, что за покушением на него мог стоять дядя... который, конечно, не намеревался отдавать престол Утренней Звезды. Сестры-помощницы, какой стыд! И... какая глупость!

– Стоило, – ответил Альва. – Мы родня, мальчик мой. В наших с тобой отношениях нет и не может быть места вранью и недоверию. Итак... Кто же тогда заплатил Полуночному Егерю Гагу за твою жизнь?

– Может быть... У тебя есть какие-нибудь догадки? Кто заинтересован в том, чтобы ты продолжал править графством и замком?

– Давай, я открою тебе глаза, мальчик мой, – откинувшись на спинку кресла, проговорил Альва. – В том, чтобы я продолжал править графством и замком, заинтересованы – все. Вообще все, Эвин. Придворные замка. Ратники гарнизона. Крестьяне. Жители городков и предместий: мелкие ремесленники, крупные цеховщики, торговцы. Даже его светлость герцог Арвендейла сэр Руэри Грир! Утренняя Звезда – это надежный засов на восточных воротах великого герцогства. Утренняя Звезда – гарант безопасности Арвендейла. За десять лет моего правления я не дал никому ни на минуту усомниться в том, что не достоин быть лордом. Или, может быть, ты усомнился?

– Нет, нет, – мотнул головой юноша. – Но...

– Что – но?... – жестковато перебил его сэр Альва. – Насколько я помню, ты всегда признавал тот факт, что мое нахождение на престоле Утренней Звезды – наилучший вариант как для нашего графства, так и для Арвендейла в целом. Ты никогда не выказывал ни малейшего желания взваливать на себя бремя власти над графством. Никогда не проявлял интереса к искусству править. Нашему с тобой договору: о том, что ты откажешься от престола, как только тебе исполнится семнадцать, уже много лет. И ты ни разу не пытался его оспаривать. Ни разу не заговаривал со мной ни о чем подобном! Что же случилось теперь?

– Мне трудно объяснить... – вздохнул Эвин. Он привык в разговоре с дядюшкой быть столь же откровенным, как и с самим собой. – Но я попробую. Я ведь законный наследник графства?

– Конечно!

– И с того момента, как мне стукнет семнадцать лет, я имею полное право на замок и земли Утренней Звезды?

– Само собой.

– Почему же тогда ни один человек... Никто – не допускает и мысли о том, что я воспользуюсь своим правом?

– Разве я только что не ответил на твой вопрос? Потому что люди ценят то, что имеют. Потому что люди доверяют – мне. Потому что уверены, я знаю, как будет лучше. Потому что они привыкли к благополучной стабильности. Зачем им что-то менять?

– Да... – кивнул Эвин. Он опустил голову, увидев, что дядя смотрит на него пристально и неотрывно. Выжидающе смотрит.

– Я просто хочу найти свое место, дядюшка, – высказал юноша наконец-то, что назревало в его душе последние дни. То, что началось с простой обиды; то, что почему-то не исчезло со временем, а напротив – зацепилось, окрепло. И созрело. – Просто хочу стать тем, кем я должен стать. Хочу взять свое. Я всю жизнь чувствовал себя... чужим тем людям, что окружали меня. Они совсем не плохо относились ко мне, нет, только это ничего не значит. Все равно я был чужой. И среди знати, и среди простолюдинов. И в замке, и в казарме Полуночных Егерей. Везде, со всеми. Я это чувствовал, и они это чувствовали. Это очень важно – найти свое место. Потому что человек не на своем месте – он никто.

– Такое ощущение, что ты повторяешь чьи-то слова, а не от себя говоришь... – поморщился Альва.

– Так и есть, – чуть помедлив, согласился с ним Эвин. – Да, так и есть. Гаг говорил нечто подобное незадолго перед тем, как... Но его слова, конечно, не стали для меня открытием. Впервые я услышал это давным-давно и как-то сразу... прочувствовал.

– И кто же давным-давно вложил в твою голову эту... безусловно, очень свежую и оригинальную мысль? – осведомился Альва.

– Она не оригинальна, эта мысль, да, – признал юноша, без труда уловив сарказм в речи дяди, – но она – верна. Я знаю это, я это чувствую.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Ах, да... Дедушка. Его звали – Дедушка.

Брови сэра Альвы снова скакнули вверх:

– Дедушка? Что еще за дедушка?.. Какой дедушка?.. Впрочем, не имеет значения, – энергичным взмахом руки граф отсек ненужную ему нить беседы. – И... это все? «Я хочу найти свое место» – и все? Это все твои доводы, чтобы я вдруг вот прямо сейчас пересмотрел свои планы, решился круто изменить жизнь всего графства, уступив тебе престол Утренней Звезды?! «Я всем чужой, я хочу должного к себе отношения»! Это твой довод?

– Я ведь имею право на Утреннюю Звезду, – не-громко напомнил Эвин. – По древнему закону Империи. Они ведь складывались в течение многих веков, эти законы. Значит, в них есть смысл?.. Может быть... Может быть, у меня получится быть лордом Утренней Звезды, дядюшка?

– Может быть, получится?! О, Сестры-помощницы, будьте милостивы!..

Альва легко поднялся с кресла, прошел несколько пружинистых шагов к окну, резко развернулся, вскинув голову. Борода его остро нацелилась в лицо юноше, как копье. Эвин встретился взглядом с дядей и тут же понял, что отношение сэра Альвы к этому разговору кардинально поменялось. Теперь граф смотрел на Эвина, как на мальчишку, которому какое-то

время удачно удавалось прикидываться рассудительным и взрослым, – но вот он, этот глупый мальчишка, сморозил очевидную нелепицу, и его разоблачили.

– Будьте милостивы, Сестры-помощницы! – повторил дядюшка Альва, сердито всплеснув руками. – Ты понимаешь, что творишь, Эвин?! Речь идет даже не о благоденствии нашего графства! Речь идет о безопасности всего великого Арвендейла! И ты намерен поставить под угрозу жизни тысяч и тысяч людей – только потому, что тебе, видите ли, втемяшилось примерить на себя роль лорда! Так?

Если юноша и собирался ответить, то он не успел сделать этого.

– Престол Утренней Звезды – это тебе не трактирная скамейка! – выкрикнул сэр Альва. – Захочу – сяду посидеть, захочу – слезу! Это – ответственность! Высочайшая ответственность! Страшная ответственность!

– Но я...

– Я! Я! Я! – передразнил его Альва. – Что – ты? Ну что – ты?! Вот – ты! – он ткнул в Эвина прямым и жестким пальцем. – А вот... – Альва широко взмахнул обеими руками, – великий Арвендейл! Что важнее?! Скажи мне?

– Великий Арвендейл... – пробормотал юноша.

– Тогда для чего ты затеял весь этот идиотизм?! Ты же понимаешь, что это – идиотизм?! –

– Понимаю... Понимаю! – повысил голос Эвин, впервые в жизни повысил голос на дядюшку Альву, и тот мгновенно умолк, с изумлением глядя на племянника. – Умом понимаю, – тише договорил юноша. – Но... чувствую, что это неправильно – отказываться от престола Утренней Звезды. От того, что мое по праву.

В коридоре встревоженно загудели голоса. Мелькнула в дверном проеме – и тут же скрылась – бородатая физиономия стражника.

Взгляд сэра Альвы потускнел и отяжелел. Сэр Альва вернулся в свое кресло.

– Допустим, ты возьмешь то, что твое по праву, – проговорил он. – Но ведь ты за год развалишь все, что я огромным трудом создавал десять лет...

– Неужели ты думаешь, что я настолько безнадёжен? – вскинулся Эвин.

– Помолчи. Положим, я несколько погорячился. Но то, что ты не сможешь вести дела так же эффективно, как делаю это я, – это факт. Подданные Утренней Звезды привыкли жить сыто, как ониотреагируют на то, что им придется ужаться в своих аппетитах – хотя бы немного и ненадолго? Тебя возненавидят, Эвин, тебя возненавидят твои же подданные. Ты еще не знаешь людей... Поднимется волнение, которое можно будет подавить только силой. Внутренние неурядицы ослабят графство. А значит – ослабят замок Утренняя Звезда. А значит – ворота в Арвендейл перестанут быть такими надежными, какими были раньше. Что скажет на это Золотой Рог? Что скажут на это Крадрекрам и Эллосиил?

– Но я смею надеяться, дядюшка, что ты будешь рядом со мной... Будешь помогать мне советом и наукой...

– То есть править буду я, а ты – занимать престол Утренней Звезды? Гордо восседать на своем месте? Этого ты хочешь?

Эвин даже побледнел:

– Совсем не этого!

– А чего же тогда? Каков твой план?

Юноша не знал, что ответить. Кажется, он не ожидал, что разговор повернется такой неожиданной и жуткой стороной.

– Я представлял себе все совсем по-другому... – потерянно пробормотал он.

– И ты собирался взойти на престол вооруженным только своими представлениями? Я вижу перед собой мальчишку, но не мужа, Эвин! И уж конечно – не лорда!

– Я думал... я ведь все равно остаюсь твоим наследником... – совсем уже тихо и подавленно выговорил юноша и опустил голову. – У тебя нет сыновей, и когда-нибудь... когда ты

уйдешь на покой, я сменю тебя. Я вовсе не собирался отбирать у тебя власть... Мы могли бы править рука об руку...

Сэр Альва подергал себя за бороду:

– Эвин, мальчик мой, как же ты еще скверно разбираешься в том, что такое власть! – заговорил уже мягче. – Правит всегда один человек. Решения принимает – всегда один человек. Тот, кто достоин. Ибо мнение нескольких – это мнение толпы. А толпа не может руководить сама собой. Несомненно – ты мой наследник, и на тебя я оставляю графство и замок. Но к тому времени, когда это произойдет, ты должен многому, очень многому научиться. Твое время еще не пришло. Послушай, мальчик мой. Я не вправе запретить тебе отказываться от Утренней Звезды сейчас. И никто не вправе. Даже сам его светлость герцог Руэри Грир. Даже его величество Император. Но я прошу тебя, Эвин. Прошу тебя, мальчика, которого знаю с рождения, прошу тебя, сына моего брата, поступить так, как велит тебе разум. А не... твоё дурацкое чувство.

Эвин переглотнул. В голове его шумело, сердце гулко стучало, точно стремилось вырваться в горло.

Сэр Альва ждал его ответа.

– Я сделаю это, – сказал Эвин. – Я откажусь от престола. И... прости меня, дядюшка!

Он порывисто шагнул вперед, ловя руку Альвы, и тот с готовностью позволил ему поцеловать ее.

Несколько минут они молчали. Эвин – приходя в себя, а сэр Альва – собираясь с мыслями.

– Ты обещаешь мне? – выговорил наконец граф.

– Да!

– Хвала Сестрам-помощницам. А теперь осталось еще одно дело, мальчик мой.

– Какое?

– Спасти твою жизнь, естественно! – разведя руками, подался вперед Альва. – А ты думал, все ограничится одним-единственным покушением? Напасть на виконта Эвина Сторма, наследника Утренней Звезды и, не будем забывать, лучшего воина Арвендейла, – отчаянный поступок. И тот, кто решился на этот поступок, вряд ли остановится после первой неудавшейся попытки. Да уж, заварил ты кашу, Эвин... «Найти свое место!»... – передразнил сэр Альва племянника. – Придется очень постараться, чтобы этим твоим местом не стала могила!

Эвин вздохнул:

– Но как мы узнаем, кто именно желает мне смерти? Ведь выгодна она многим?

– У того, кто хочет тебя убить, есть один день – чтобы осуществить задуманное злодеяние, – начал рассуждать граф. – При любых раскладах уже завтра к полудню ты будешь в безопасности. Надеюсь, не надо объяснять почему?

Юноша, подумав, кивнул. Да, это понятно... После того как сэр Альва вступит в законное право владения графством, смысл в убийстве его племянника отпадает сам собой. А если предположить (только лишь предположить, конечно!), что он, Эвин, все же сам займет престол Утренней Звезды – убийцам добраться до него будет ну очень сложно. Ритуал вступления в действительные права лорда подразумевает наложение на вступающего целого комплекса охранных чар, преодолеть который под силу далеко не каждому магу. И это еще не говоря о присягнувших новоиспеченному графу войсках, о многочисленной страже...

– Иными словами – нам необходимо продержаться всего один день и одну ночь, – подытожил сэр Альва. – У тебя есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

– Меня не так-то просто убить! – заявил Эвин.

– Да, в честном поединке тебя вряд ли кто сможет одолеть, – согласился Альва. – Только глупо было бы надеяться на честный поединок. Такого рода предприятия осуществляются тайно и подло, исподтишка. Яд, магия, удар в спину...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.